

Примечание: для более удобной навигации по бюллетеню, Воспользуйтесь опцией «Pages» в окне Acrobat Reader-а, сбоку, слева.

БЮЛЛЕТЕНЬ¹ №31:

НОВОСТИ В ОБЛАСТИ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ПРАВА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

июль – август 2008

Содержание:

1. [Новости](#) – стр. 2-3
2. [Международная судебная практика](#) – стр. 4-57
3. [Законодательство](#) – стр. 58-71

---

¹ [Бюллетень доступен на румынском и русском языках](#)
Бюллетень составлен Дойной Костин, Юридическая Служба, НЦЖ.

Название	Дата принятия	Официальный Монитор №	Примечание
ЗАКОНЫ, ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА, УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА			
<u>ЗАКОН</u> о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты	N 141-XVI от 26.06.2008	Мониторул Официал N 140- 142/572 от 01.08.2008	В Закон о защите персональных данных № 17-XVI от 15 февраля 2007 года (Официальный монитор Республики Молдова, 2007 г., № 107-111, ст.468), внести изменения и дополнения. В Закон о системе оплаты труда в бюджетной сфере № 355-XVI от 23 декабря 2005 года (Официальный монитор Республики Молдова, 2006 г., № 35-38, ст.148), с последующими изменениями, внести дополнения.
<u>ПОСТАНОВЛЕНИЕ</u> об отчете о деятельности Координационного совета по телевидению и радио за 2007 год	N 159-XVI от 04.07.2008	Мониторул Официал N 122- 124/481 от 11.07.2008	Принять к сведению отчет о деятельности Координационного совета по телевидению и радио за 2007 год. Координационному совету по телевидению и радио проанализировать предложения рабочих органов Парламента и депутатов и в двухмесячный срок разработать план мероприятий по усовершенствованию как своей деятельности, так и деятельности всех телерадиоорганизаций страны.
<u>ЗАКОН</u> об утверждении Положения о Национальном центре по защите персональных данных, структуры, предельной штатной численности и порядка финансирования Национального центра по защите персональных данных	N 182-XVI от 10.07.2008	Мониторул Официал N 140- 142/578 от 01.08.2008	Утверждается Положение о Национальном центре по защите персональных данных согласно приложению 1; структуру Национального центра по защите персональных данных согласно приложению 2; предельную штатную численность Национального центра по защите персональных данных в количестве 21 единицы.
НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ, ПРИНЯТЫЕ ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО)			

Centrul Independent de Jurnalism

<p><u>РЕШЕНИЕ</u> о выдаче авторизации на ретрансляцию ООО „INTERMEDIA”</p>	<p>N 63 от 25.06.2008</p>	<p>Мониторул Официал N 122-124/362 от 11.07.2008</p>	<p>Выдается авторизация на ретрансляцию предприятию ООО „Cazmarex TV” для студии кабельного ТВ „Cazmarex TV” из населенных пунктов Негурень и Кицкань района Теленешть.</p>
<p><u>РЕШЕНИЕ</u> об отзыве лицензии на вещание ООО „Elecservice-Prim” из мун.Бэлць для студии кабельного ТВ „ESP” из той же местности</p>	<p>N 68 от 25.06.2008</p>	<p>Мониторул Официал N 122-124/363 от 11.07.2008</p>	<p>Отозвать лицензию на вещание серии А ММП № 013437 от 12.04.2005 г., выданную ООО „Elecservice-Prim” из мун.Бэлць для студии кабельного ТВ „ESP” из той же местности.</p>
<p><u>РЕШЕНИЕ</u> о программном комплексе российского телевизионного канала "Боец"</p>	<p>N 69 от 25.06.2008</p>	<p>Мониторул Официал N 122-124/364 от 11.07.2008</p>	<p>Отмена Решения КСТР № 27 от 22 февраля 2007 г. "О программах, вещаемых российским телевизионным каналом "Боец" не набрала необходимого количества голосов (3 – за, 4 – против).</p>
<p><u>РЕШЕНИЕ</u> об утверждении изменений в Решение "О договорных арендных отношениях между распространителями программ" № 14 от 12.02.2008 г.</p>	<p>N 70 от 25.06.200</p>	<p>Мониторул Официал N 122-124/365 от 11.07.2008</p>	<p>Решение № 14 от 12.02.2008 г. Координационного совета по телевидению и радио (Официальный монитор Республики Молдова № 69-71 от 04.04.2008 г.) изменить следующим образом: В констатирующей части слова “Закона об аренде № 861-XII от 14.01.92 г.” заменить словами “Гражданского кодекса № 1107-XV от 06.06.2002 г.”.</p>

МЕЖДУНАРОДНАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ПРАВА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ*

Решение ЕСПЧ по делу

ДЕЛО «ФОКА против ТУРЦИИ»

(FOKA v. TURKEY)

(Жалоба № 28940/95)

24 июня 2008 г.

Заявительница родилась в 1947 г. и, в настоящее время, живет в Никосии.

На момент поступления материалов она жила одна в доме своей семьи, в селе Айа Триада (Ayia Triada), Йаллусса (Yialloussa), районе Карпас (Karpas) северного Кипра. Она работала учителем в греко-киприотской сельской начальной школе.

У сторон противоречивые взгляды на обстоятельства дела.

Версия обстоятельств дела, представленная заявителем

В декабре 1994 г., заявительница провела рождественские праздники с членами своей семьи, проживающими в южном Кипре. 13 января 1995 г. автобус Красного Креста привез ее и других греко-киприотов в пункт пересечения границы Ледра Пэлэс (Ledra Palace) в Никосии. Оттуда их должен был забрать в Айа Триаду автобус, водителем которого был житель Турции.

У баррикады, охраняемой полицейскими и таможенными сотрудниками Турции и/или «Турецкой Республики Северного Кипра» («ТРСК»), заявительница и другие пять или шесть греко-киприотских женщин, находившихся в автобусе, были подвергнуты обыску. Когда таможенный служащий решил обыскать заявительницу снова, она отказалась, утверждая, что она уже была подвергнута обыску и у нее ничего не обнаружили. Затем, ее повели в небольшое помещение возле баррикады, где ей сообщили, что ее будут обыскивать полицейские. Заявительница продолжала сопротивляться повторному обыску. Тогда, служащие попытались заставить заявительницу сесть в небольшую частную машину. Она сопротивлялась и начала кричать. Служащие закрыли ей рот ладонями и начали ее бить по рукам и ногам, чтобы, таким образом, заставить ее сесть в

---

* Решения Европейского суда по правам человека на английском и/или французском языке можно найти на сайте www.echr.coe.int

машину. Они затолкнули ее в машину головой вперед, а затем схватили ее за ноги. Им удалось затолкнуть ее в машину, таким образом, что ее ноги были подняты вверх стопами к крыше машины.

Затем, ее привели в здание, которое оказалось полицейским участком. Там ее сумка подлежала тщательному обыску, а когда она пыталась посмотреть на то, что делали полицейские, она получала удары по голове и плечам от человека, который, насколько она поняла из обсуждений между полицейскими, был членом турецкой секретной службы. Ее, затем, повели в соседнюю комнату, где она была подвергнута допросу и оскорблениям. После того, как допрос закончился, ей вернули пустую сумку. Полицейские оставили себе часть ее денег - 120 киприотских фунтов из 300 фунтов, которые у нее были.

После этого, полицейские отвезли ее на той же машине к автобусу, который должен был отвезти ее в Айа Триаду. Так как она плохо себя чувствовала, она попросила, чтобы ей позволили вернуться в южный Кипр. Однако полицейские начали ее бить и заставили сесть в автобус. Одна из женщин, находящихся в автобусе, сказала им: «Отпустите ее, а не то вы ее убьете».

По возвращении в Айа Триаду, заявительница попросила, чтобы ее отвели к турецко-киприотскому врачу возле Йаллуссы, но ее просьбу отклонили. На следующий день, один греко-киприот отвел заявительницу к вышеупомянутому врачу. Врач выписал медикаментозное лечение, но отказался подтвердить наличие синяков на ее теле.

В течение последующих ночей, в ее дом были брошены камни.

18 января 1995 г., представитель Докторов мира посетил заявительницу в школе села Айа Триада. Она продемонстрировала ему синяки на ногах, руках и голове.

Через неделю, представитель Миротворческих Сил Объединенных Наций в Кипре (МСОНКИП) посетил заявительницу и подтвердил наличие синяков на ее голенях и бедрах. 20 января 1995 г., медицинскому представителю МСОНКИП не разрешили встретиться с заявительницей. Разрешение было выдано медицинскому представителю 30 января 1995 г. Соответственно, медицинский представитель встретился и осмотрел заявительницу 31 января 1995 г. Заявительница приложила, в этой связи, «справку к делу», выданную 13 февраля 1995 г. Гуманитарной Отраслью головного офиса МСОНКИП.

Заявительница утверждает, что она находилась под постоянным присмотром местной полиции и подвергалась домогательству, включая угрозы, что ее силой вышлют из северного Кипра либо убьют.

В письме от 10 августа 2000 г., адвокат заявительницы сообщил Суду, что в мае 1997 г. заявительница была вынуждена обратиться за медицинской помощью в южный Кипр. После этого, турецкие военные и власти «ГРСК» запретили заявительнице вернуться домой в Айа Триаду и, поэтому, с тех пор, она живет в Никосии.

Версия обстоятельств дела, представленная Правительством

16 декабря 1994 г. заявительница, вместе с двумя другими учителями из начальной школы Карпаса и девятью учениками, пересекла границу южного Кипра через пункт пересечения границы Ледра Пэлэс. Через два дня, группа вылетела в Грецию на несколько дней на экскурсию, организованную греко-киприотскими и/или греческими властями, чтобы принять участие в различных анти-турецких кампаниях, которые получили значительную гласность.

13 января 1995 г., примерно в 12:30, заявительница, возвращавшаяся из южного Кипра в северный Кипр, была подвержена обычному полицейскому и иммиграционному контролю, осуществленному турко-киприотскими служащими в пункте пересечения границы Ледра Пэлэс. Когда служащие спросили заявительницу, если у нее были в наличии предметы, подлежащие декларированию, она ответила, что нет. Когда же они попросили ее передать им ее сумку для досмотра, она отказалась, препятствуя, таким образом, сотрудникам выполнять их служебные обязанности, и совершив, при этом, правонарушение, предусмотренное законами «ТРСК» (статья 177 Таможенного и акцизного кодекса № 37 от 1983 г.).

Когда прибыла сотрудница полиции, заявительница продолжала оказывать сопротивление. Ее попросили пройти за служащими в полицейский участок Лефкоша (Сарай Ону) (Lefkoşa (Sarayı Önü)) для дальнейшего досмотра. Она опять оказала сопротивление и начала толкаться и кричать, что она не признает никаких властей северного Кипра. Впоследствии, ее отвели к полицейской машине. Она отказалась сесть в машину и сказала, что хочет вернуться в южный Кипр. Ее отвезли в полицейский участок. Турецко-киприотская полиция применила только силу, которая была обоснованна и необходима. Заявительница могла сама себя ранить, оказывая сопротивление при осуществлении личного досмотра и при ее перевозке в полицейский участок. Однако ничего этого не было видно, так как не ней были толстые темные чулки.

По прибытии в полицейский участок, заявительница продолжала действовать неразумно, оказывая сопротивление полицейским и толкая их. В конечном итоге, сотрудница полиции обыскала ее сумку. Она обнаружила в ней шесть серебряных цепочек и четыре золотых креста – предметы, подлежащие налогообложению и которые заявительница отказалась продекларировать. Заявительница согласилась оплатить эквивалент 9,000,000 турецких лир в качестве таможенной пошлины и/или штрафа. Более того, в ее сумке были обнаружены и другие предметы, такие как книги и брошюры. Данные книги и брошюры содержали анти-турецкие, расистские и дискредитирующие материалы, провоцирующие расовую ненависть и усложняющие межэтнические отношения. Затем, служащие попытались провести личный досмотр, в случае которого, заявительница оказала сопротивление. Заявительница напала на сотрудницу полиции, которая позвала на помощь других полицейских. Во время личного досмотра, в одежде заявительницы были обнаружены спрятанные кассеты. Власти оставили у себя обнаруженные предметы для целей дальнейшего расследования. Заявительницу задержали на короткий срок, чтобы иметь возможность завершить досмотр при более подходящих для этого обстоятельствах, и чтобы успокоить ее. В течение данного периода, она не находилась под арестом, ей предлагали охлаждающие напитки, от которых она отказалась.

Заплатив штраф, заявительница вернулась в село на автобусе вместе с другими греко-киприотами.

15 января 1995 г., заявительница посетила медицинский центр в Ризокарпассо (Дипкарпаз) (Rizokarpasso (Dipkarpaş)) и попросила, чтобы ей выдали справку, подтверждающую факт ее избиения. Дежурный врач, не являющийся частным практикующим врачом, предложил осмотреть заявительницу, если она намеревалась подать жалобу в полицию. Затем, врач осмотрел заявительницу и внес результаты обследования в бланк, выданный полицией. Однако заявительница так и не подала жалобы турко-киприотским властям и не посетила никакого врача до или после 15 января 1995 г. 31 января 1995 г. она была осмотрена в медицинском центре в Ризокарпассо врачом Объединенных Наций в присутствии турко-киприотского врача. Правительство приложило медицинскую справку ОН, выданную 31 января 1995 г., в результате общения и осмотра заявительницы врачом ОН в присутствии местного врача. В справке указано, что на «спине и правой ноге заявительницы были обнаружены царапины».

Четыре представителя «Докторов Мира», один гражданин США, один гражданин Швеции и два гражданина Франции, въехали в «ТРСК» в качестве туристов, направляясь в Кирению (Kyrenia). Однако, после въезда, вопреки декларации, сделанной властям «ТРСК», они наняли машину и посетили данный район.

25 января 1995 г., книги, брошюры и фотографии, которые были изъяты у заявительницы 13 января 1995 г., были ей возвращены в присутствии греко-киприотских представителей села. Однако турецко-киприотские власти оставили у себя три кассеты, две книги в мягкой обложке, ежедневник и открытку, которые, по их мнению, могли вызвать расовую ненависть и анти-турецкую вражду. Кассеты, записанные в Греции, содержали песни и стихи, посвященные так называемым грекам Понтуса, которые, якобы, жили в черноморском регионе Турции, движению Национальной Организации Киприотских Солдат (НОКС), а также всем, убитым в результате террористических актов против британцев. Другие статьи содержали пропаганду и карту Кипра, на которой пограничная зона была отмечена кровью.

В марте 1997 г., когда заявительница уволилась, между греко-киприотскими и турецко-киприотскими властями были приняты меры об ее замещении. С тех пор, заявительница проживает в южном Кипре.

С 23 апреля 2003 г., власти «ТРСК» приняли новые меры относительно пересечения границы северного и южного Кипра через вышеуказанные пункты пересечения границы. Греко-киприоты, сейчас, располагают свободным доступом на север, а турко-киприоты – на юг, при условии представления удостоверения личности.

Документы, представленные Правительством

Правительство представило Суду несколько документов, в частности, отчет полицейского, Первина Гюрлера (Pervin Gürler), в котором указано, что заявительница постоянно оскорбляла Турцию и приносила флаг Греции на уроки; заявление таможенного служащего, Султана Барбароса (Sultan Barbaros), по словам которого, заявительница начала громко оскорблять сотрудников таможни и турецкий народ, в целом. Сержант полиции, Халит Коканоглу (Halit Kocanoglu), сообщил, что заявительница отказалась от досмотра сумки и причиняла неприятности. Сержант полиции, Ишин Севиндик (İşin Sevindik), указал, что 13 января 1995 г., заявительница отказалась от досмотра ее сумки. Она начала кричать и ее отвели в полицейский участок. Подобное заявление было сделано Инспектором, Адемом Хасапоглу (Adem Hasapoglu).

Третья сторона, вступившая в процесс

Правительство Кипра заявило, что дело, касается жестокого обращения и запугивания одинокой женщины представителями Правительства-ответчика, ввиду этнического происхождения заявительницы, одной из немногих греко-киприотов, проживающих в данном регионе. Турция, в конечном итоге, добилась желаемого своими действиями, так как заявительница была вынуждена покинуть оккупированную территорию.

Правительство Кипра подтвердило версию обстоятельств дела, представленных заявительницей, и отметило, что Правительство-ответчик не смогло представить противоречащих доказательств.

Нарушение статьи 3 Конвенции

Общие принципы

В соответствии с прецедентным правом Суда, плохое обращение должно достигнуть минимальной степени тяжести, чтобы на него начали распространяться положения статьи 3. Оценка минимальной степени тяжести относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность плохого обращения, его физическое и психическое воздействие и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. дело *Прайс против Объединенного Королевства (Price v. the United Kingdom)*, № 33394/96, § 24, ЕСПЧ 2001-VII; дело *Муизель против Франции (Mouisel v. France)*, № 67263/01, § 37, ЕСПЧ 2002-IX; и дело *Яллох против Германии (Jalloh v. Germany)* [GC], № 54810/00, § 67, 11 июля 2006 г.).

Чтобы наказание или обращение, связанное с ним, было «бесчеловечным» или «унизительным», страдание или унижение должны, в любом случае, превышать тот неизбежный элемент страдания или унижения, связанный с определенной формой законного обращения или наказания (см. дело *Лабита против Италии (Labita v. Italy)* [GC], № 26772/95, § 120, ЕСПЧ 2000-IV, и дело *Саади против Италии (Saadi v. Italy)* [GC], № 37201/07, § 135, 28 февраля 2008 г.).

Статья 3 защищает одну из фундаментальных ценностей демократического общества. В отличие от материальных положений Конвенции и Протокола №№ 1 и 4, статья 3 не предусматривает исключений, а статья 15 запрещает отклонения от ее положений, даже в случае крайней общественной необходимости, угрожающей жизни нации (см. дело *Ирландия против Объединенного Королевства (Ireland v. the United Kingdom)*, решение от 8 января 1978 г., серия А № 25, § 163; дело *Чахал против Объединенного Королевства (Chahal v. the United Kingdom)*, решение от 15 ноября 1996 г., *Обзор решений и постановлений* 1996-V, § 79; дело *Селмуни против Франции (Selmouni v. France)* [GC], № 25803/94, § 95, ЕСПЧ 999-V; дело *Ал-Адсани против Объединенного Королевства (Al-Adsani v. the United Kingdom)* [GC], № 35763/97, § 59, ЕСПЧ 2001-XI; и дело *Шамаев и другие против Грузии и России (Shamayev and Others v. Georgia and Russia)*, № 36378/02, § 335, ЕСПЧ 2005-III). Учитывая, что запрет на пытки или унизительное обращение является абсолютным, независимо от поведения жертвы (см. дело *Чахал (Chahal)*, указанное выше, § 79, и дело *Саади (Saadi)*, указанное выше, § 127), характер правонарушения, якобы совершенного заявителем, не имеет значения для целей статьи 3 (см. дело *Инделикато против Италии (Indelicato v. Italy)*, № 31143/96, § 30, 18 октября 2001 г., и дело *Рамirez Санчез против Франции (Ramirez Sanchez v. France)* [GC], № 59450/00, §§ 115-116, 4 июля 2006 г.).

Суд подчеркивает, что, в отношении лица, находящегося под контролем властей, любое применение физической силы, которое, не обязательно, было вызвано его или ее поведением, унижает человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением права, предусмотренного статьей 3 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, дело *Рибич против Австрии (Ribitsch v. Austria)*, решение от 4 декабря 1995 г., серия А № 336, § 38).

Суд, также, отмечает, что, при оценке доказательств, он, в целом, всегда применяет стандарт доказательства «вне разумных сомнений» (см. дело *Ирландия против Объединенного Королевства (Ireland v. the United Kingdom)*, указанное выше, § 161). Такое доказательство может быть обусловлено сосуществованием достаточно сильных, четких и согласованных заключений или схожими неопровержимыми фактическими презумпциями. Когда определенные действия, в целом либо в большей степени, являются компетенцией властей, как в случае лиц, находящихся под их контролем, то в отношении ран, полученных в результате такого контроля, появляются серьезные фактические презумпции (см., *mutatis mutandis*, дело *Маслова и Налбандов против России (Maslova and Nalbandov v. Russia)*, № 839/02, § 99, 24 января 2008 г.).

На самом деле, обязательство представления доказательств может рассматриваться как свойственное властям, которые должны представлять удовлетворительные и убедительные объяснения (см. дело *Рибич (Ribitsch)*, указанное выше, § 34, и дело *Салман против Турции (Salman v. Turkey)* [GC], № 21986/93, § 100, ЕСПЧ 2000-VII). В частности, когда утверждение о причинении ран было сделано лицом, находящимся под надзором полиции, Правительство-ответчик должно предоставить убедительные или достоверные аргументы, которые служили бы основанием для

объяснения или обоснования степени силы, примененной его представителями (см., *mutatis mutandis*, дело *Рехбок против Словении (Rehbock v. Slovenia)*, № 29462/95, § 76, ЕСПЧ 2000-ХІІ).

Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

В данном деле, не оспаривается факт, что, после попытки обыскать сумку заявительницы в пункте пересечения границы в Никосии, у нее была физическая стычка с представителями «ТРСК», осуществлявшими досмотр. Однако, стороны не согласны со степенью тяжести данной стычки и причинами, ее обосновывающими.

По словам заявительницы, версия которой поддерживается третьей стороной, вступившей в процесс, когда она отказалась от повторного – необоснованного – досмотра, представители «ТРСК» заставили ее сесть в машину, привезли ее в полицейский участок и, повторно, ударили ее по голове и плечам (см. абзацы 11-13 выше). Правительство, напротив, утверждает, что заявительница очень буйно отреагировала на законную просьбу предоставить сумку для обыска. Она начала протестовать, крича и толкая служащих, выполняющих свои обязанности. Сила, которая была, возможно, применена полицией, не превысила разумных и необходимых пределов, обусловленных обстоятельствами дела (см. абзацы 21-23 выше).

В первую очередь, Суд отмечает, что врач ОН осмотрел заявительницу только 31 января 1995 г., т.е. через восемнадцать дней после инцидента (см. абзацы 17 и 25 выше). Врач обнаружил «царапины» на ее спине и правой ноге. Учитывая время, прошедшее между инцидентом и медицинским обследованием, Суд не может прийти к заключению вне разумных сомнений, что раны, описанные врачом ОН, были причинены действиями властей «ТРСК».

В любом случае, по мнению Суда, царапины на теле заявительницы совместимы с незначительной физической стычкой, которая, возможно, имела место между ней и сотрудниками полиции. Ничто не указывает на то, что сотрудники полиции применили чрезмерную силу, когда, при осуществлении своих служебных обязанностей, они столкнулись с якобы буйным поведением заявительницы. Суд, также, отмечает, что заявительница не смогла представить каких-либо свидетельских показаний, подтверждающих ее заявление, согласно которому она противилась досмотру без применения силы против представителей «ТРСК». С другой стороны, версия Правительства подкреплена заявлениями представителей «ТРСК», осуществлявшими досмотр заявительницы (см. абзацы 30-34 выше).

Более того, Суд считает, что степень запугивания, которую могла испытать заявительница, будучи силой приведена в полицейский участок, не достигла минимальной степени тяжести, и не попадает под распространение статьи 3. Заявления о том, что в ее дом бросались камни (см. абзацы 15 и 49 выше) необоснованны и ничто не доказывает, что данное действие должно быть приписано Правительству-ответчику.

Учитывая данные обстоятельства, Суд не может с уверенностью, вне любых разумных сомнений, утверждать, что заявительница была подвержена обращению, противоположному положениям статьи 3 или, что власти прибегли к физической силе, которая, не обязательно, была обусловлена поведением заявительницы.

Следовательно, нарушения статьи 3 Конвенции не имело места.

Нарушение статьи 5 Конвенции

Суд должен, в первую очередь, определить, если в данном деле, имело место лишение свободы, к которой применима статья 5. В соответствии с прецедентным правом, данное положение не ограничивается только ограничением свободы передвижения, предусмотренной статьей 2 Протокола № 4 (см. дело *Х.М. против Швейцарии* (*H.M. v. Switzerland*), № 39187/98, § 40, ЕСПЧ 2002-II).

Чтобы определить, если имело место лишение свободы, отправной точкой должна служить конкретная ситуация соответствующего лица, и следует учесть ряд факторов в определенном деле, таких как тип, продолжительность, эффекты и форма применения соответствующей меры. Разница между лишением и ограничением свободы заключается в степени интенсивности, а не в характере или содержании (см. дело *Гуззарди против Италии* (*Guzzardi v. Italy*), решение от 6 ноября 1980 г., серия А № 39, § 92; дело *Ашингдейн против Объединенного Королевства* (*Ashingdane v. the United Kingdom*), решение от 28 мая 1985 г., серия А № 93, § 41; и дело *Х.Л. против Объединенного Королевства* (*H.L. v. the United Kingdom*), № 45508/99, § 89, ЕСПЧ 2004-IX).

Даже если не исключено, что положения статьи 5 § 1 могут применяться к лишению свободы на очень короткий срок (см. дело *Икс против Германии* (*X v. Germany*), № 8819/79, Решение Комиссии от 19 марта 1981 г., Решения и отчеты (DR) 24, стр. 158, 161), прецедентное право показывает, что данное положение не считалось применимым в случаях, когда нахождение заявителя в полицейском участке продолжалось всего несколько часов и не превышало времени, строго необходимого для выполнения определенных формальностей (см., например, дело *Гюнат против Швейцарии* (*Guenat v. Switzerland*), № 24722/94, Решение Комиссии от 10 апреля 1995 г., Решения и Отчеты (DR) 81, стр. 130, 134, и дело *Икс против Германии* (*X v. Germany*), решение, указанное выше).

В данном деле, заявительницу привели в полицейский участок в пункте пересечения границы Ледра Пэлэс. В соответствии с версией обстоятельств дела, представленных Правительством, эта мера была необходима для осуществления обыска сумки заявительницы, которую она отказалась показать властям. В полицейском участке был осуществлен обыск сумки и личный досмотр. Несколько предметов было конфисковано, а заявительница была обязана выплатить штраф.

Если даже точная продолжительность нахождения заявительницы в полицейском участке неизвестна, то таковая не могла превышать нескольких часов. После обысков, должностное лицо «ТРСК» сопроводило ее к автобусу, который, в конечном итоге, привез ее в место окончательного назначения. Более того, не было доказано, что заявительницу силой заставили находиться в полицейском участке в течение времени, превышающего время, строго необходимое для осуществления обысков и выполнения соответствующих административных формальностей.

Однако Правительство утверждает, что заявительница оказывала сопротивление при ее сопровождении в полицейский участок и, что она отказалась сесть в машину, которая, в итоге, привезла ее туда (см. абзац 22 выше). Учитывая применение силы для того, чтобы заставить заявительницу сесть в машину, Суд признает наличие принудительного элемента, который затронул не только свободу передвижения заявительницы, но и ее свободу, в целом.

Следовательно, заявительница была лишена свободы, в смысле статьи 5 Конвенции, и положения данной статьи применимы к настоящему делу.

Что же касается вопроса соответствия требованиям статьи 5 § 1, Суд напоминает, что данное положение предусматривает, в первую очередь, чтобы задержание было «законным», что подразумевает условие соответствия процедуре, предусмотренной законом. В этом случае, Конвенция ссылается на национальное право и определяет обязательство следовать нормам материального и процессуального законодательства, и предусматривает, что любое лишение свободы должно соответствовать цели статьи 5, заключающейся, в частности, в защите людей от самоуправства (см. дело *Бенхам против Объединенного Королевства* (*Benham v. the United Kingdom*), решение от 10 июня 1996 г., *Отчеты* 1996-III, §§ 40 и 42).

Заявительница и третья сторона, вступившая в процесс, утверждают, что, учитывая, что «ТРСК» не является действительным и признанным государством, в соответствии с международным правом, лишение свободы, применяемое ее должностными лицами, не может рассматриваться как «законное» в контексте Конвенции (м. абзацы 67 и 71 выше).

Суд напоминает, что в деле *Kunp protiv Турции (Cyprus v. Turkey)*, указанном выше, § 90), он постановил, что события, происходившие в северном Кипре с 1974 г., могли бы быть охарактеризованы с точки зрения осуществления фактического правления «ТРСК». Он также отметил, что:

«... обязательство пренебрегать действиями *de facto* самостоятельных образований – далеко не абсолютно. Жизнь на соответствующей территории продолжается для ее жителей. Жизнь должна стать терпимой и быть защищена *de facto* властями, включая суды; в интересе жителей, действия данных властей не могут быть просто проигнорированы третьими государствами или международными организациями, в особенности, судами, в том числе данным судом» (*ibid.*, § 96).

Суд напоминает, что общий контроль, осуществляемый Турцией над территорией северного Кипра, предусматривает ее ответственность за политику и действия «ТРСК», и что лица, которым был нанесен ущерб такой политикой или действиями, находятся под «юрисдикцией» Турции, для целей статьи 1 Конвенции, вследствие чего Турция несет ответственность за нарушение прав, предусмотренных Конвенцией, имеющее место на данной территории. Если бы действительность принятия, применения либо исполнения властями «ТРСК» мер, предусмотренных гражданским, административным или уголовным законодательством, была бы опровергнута либо таковым было бы вменено отсутствие «законной» основы с точки зрения Конвенции, то речь шла бы о несовместимости с вышеуказанной ответственностью, предусмотренной Конвенцией.

Соответственно, Суд считает, что, когда действия властей «ТРСК» соответствуют законодательству, действующему на территории северного Кипра, то таковые должны, в принципе, рассматриваться как имеющие правовую основу в национальном законодательстве для целей Конвенции (см., в этой связи, дело *Джавит против Турции (Djavit An v. Turkey)* решение (№ 20652/92 от 20 февраля 2003 г.), в котором решение о нарушении прав заявителя, предусмотренных статьей 11 Конвенции, основывалось на отсутствии каких-либо законов или мер «ТРСК», которые регулировали бы выдачу разрешений турко-киприотам, проживающим в северном Кипре, переходить границу южного Кипра; см., также, дело *Адах против Турции (Adali v. Turkey)*, № 38187/97, §§ 273-274, 31 марта 2005). Данное заключение, ни в коей мере не ставит под сомнение убеждения международного сообщества в отношении учреждения «ТРСК» или факт, что Правительство Республики Кипра остается единственным законным правительством Кипра (см. дело *Kunp protiv Турции (Cyprus v. Turkey)*, указанное выше, §§ 14, 61, 90).

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, Суд будет рассматривать обстоятельства дела с точки зрения их совместимости с положениями статьи 5 Конвенции.

В данном деле, не оспаривается тот факт, что заявительница оказала сопротивление обыску ее сумки, осуществляемому должностными лицами «ТРСК» в пункте пересечения границы Ледра Пэлэс в Никосии. По словам Правительства-ответчика, данное поведение позволило полиции арестовать ее в соответствии со статьей 14 (1) (в) Уголовно-процессуального кодекса, разрешающей осуществлять арест без мандата на арест любого лица, препятствующего выполнению служебных обязанностей должностных лиц (см. абзац 70 выше). Заявительница и третья сторона, вступившая в процесс, не представили никаких доказательств, которые указывали бы на обратное.

Поэтому, Суд считает, что заявительница была лишена свободы в соответствии с процедурой, предусмотренной законом, «чтобы, таким образом, обеспечить выполнение обязанностей, предписанных законом», в контексте статьи 5 § 1 (б) Конвенции.

Суд подчеркивает, что, в данном деле, ничто не указывает на то, что лишение свободы превысило время, необходимое для обыска сумки заявительницы, наложения на нее штрафа и выполнения соответствующих административных формальностей (см. абзац 77 выше). Соответственно,

Суд не видит никаких признаков самоуправства. В этой связи, Суд отмечает, что заявление третьей стороны, вступившей в процесс, будто бы реальная цель задержания заключалась в домогательстве и унижении заявительницы (см. абзац 71 выше), является необоснованным.

В конечном итоге, следует отметить, что как в пункте пересечения границы Ледра Пэлэс, так и в полицейском участке, заявительницу попросили отдать сумку сотрудникам полиции для обыска. Даже предположив, что заявительнице не было предоставлено никаких устных или письменных объяснений, причины ее ареста должны были быть ей ясны.

Следовательно, в данном деле не было нарушения статьи 5 §§ 1 и 2 Конвенции.

Нарушение статей 9, 10 и 14 Конвенции

Суд считает, что данная жалоба должна, в первую очередь, рассматриваться в соответствии со статьей 10 Конвенции.

Суд считает, что конфискация кассет, брошюр, ежедневника и карты заявительницы, является вмешательством государственной власти в право на свободу выражения мнения, в частности, в право на получение и обмен информацией и идеями. Такое вмешательство нарушает Конвенцию, в случае, если оно не соответствует критериям, предусмотренным во втором абзаце статьи 10.

В данном деле, Суд не считает необходимым определить, если вмешательство было «предусмотрено законом». В сущности, если даже предположить, что оно было предусмотрено законом, то, в любом случае, имело бы место нарушение статьи 10 по следующим причинам.

Чтоб соответствовать Конвенции, вмешательство должно преследовать одну или более законных целей и быть «необходимым в демократичном обществе» для достижения этой или этих целей. В этой связи, Суд ссылается на следующие общие принципы, обусловленные его прецедентным правом (см. дело *Педерсен и Баадсгаард против Дании (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark)* [GC], № 49017/99, §§ 68-70, ЕСПЧ 2004-XI, с дальнейшими ссылками, и дело *Румына Иванова против Болгарии (Rumyana Ivanova v. Bulgaria)*, № 36207/03, § 57, 14 февраля 2008 г.):

(а) Тест определения необходимости в демократичном обществе предусматривает определение Судом, если обжалованное вмешательство соответствовало острой социальной необходимости. Договаривающиеся государства располагают определенной свободой усмотрения при оценке необходимости во вмешательстве. Однако данная свобода подлежит европейскому надзору, применяющемуся, также, а отношении правил и решений, которые приводят ее в действие. Поэтому, Суд уполномочен вынести окончательное решение по поводу совместимости «ограничения» со свободой выражения, защищенной положениями статьи 10.

(б) Задачей Суда, при выполнении своей надзорной функции, не является занять место компетентных национальных властей, а, скорее, пересмотреть, согласно статье 10, решения, вынесенные ими в соответствии с их свободой усмотрения. Это не означает, что контроль ограничивается определением того, если государство-ответчик разумно, внимательно или добросовестно применил свою свободу действий; Суд должен рассматривать оспариваемое вмешательство в свете всего дела, в целом.

(в) В частности, Суд должен определить, если причины, приведенные национальными властями для обоснования вмешательства, были существенными и достаточными, и, если предпринятые меры были пропорциональны преследуемым законным целям. Таким образом, Суд должен прийти к заключению, что национальные власти, основываясь на допустимой оценке соответствующих фактов, применили стандарты, соответствующие принципам, предусмотренным статьей 10.

В данном деле, Правительство утверждает, что материалы, конфискованные у заявительницы, нацелены на продвижение расизма и анти-турецкой пропаганды, а также вражды между двумя сообществами острова. Оно считает, что оспоренное вмешательство было необходимо в демократичном

обществе для обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности и/или общественной безопасности. В этой связи, Правительство заявило, что кассеты содержали песни и стихи, посвященные грекам Понтуса, движению НОКС и погибшим в результате террористических действий против британцев, а также, что брошюры содержали анти-турецкую пропаганду и карту Кипра, где пограничная зона была отмечена кровью.

Однако Правительство не представило Суду данные материалы. Учитывая эти обстоятельства, Суд считает, что Правительство не смогло обосновать свой аргумент, согласно которому эти материалы были нацелены на поощрение социальной и расовой вражды. Оно, также, не смогло доказать, что конфискация была обусловлена экстренной социальной необходимостью, в соответствии с прецедентным правом Суда. Поэтому, Суд не может прийти к заключению, что вмешательство было обоснованным, в соответствии с абзацем 2 статьи 10.

Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу

ДЕЛО «ВАЖНАЙ *против* ВЕНГРИИ»

(VAJNAI v. HUNGARY)

(Жалоба № 33629/06)

8 июля 2008 г.

Заявитель родился в 1963 г. и проживает в Будапеште.

21 февраля 2003 г. заявитель – в период составления материалов – Вице-президент Рабочей партии (*Munkáspárt*) – зарегистрированной, левосторонней политической партии – выступал на законной демонстрации в центре Будапешта. Демонстрация происходила в месте, где ранее находился памятник Карлу Марксу, снесенный властями. Заявитель прикрепил на свой пиджак пятиконечную красную звезду (именуемую в дальнейшем «красной звездой»), диаметром в пять сантиметров, в качестве символа международного движения рабочих. В соответствии со статьей 296/Б (1) Уголовного кодекса, полицейский патруль, присутствующий на демонстрации, потребовал от заявителя снять звезду, что он и сделал.

Впоследствии, против заявителя было открыто уголовное дело за публичное ношение тоталитарного символа. Он был допрошен в качестве подозреваемого 10 марта 2003 г.

11 марта 2004 г., Пестский центральный районный суд признал заявителя виновным в использовании тоталитарной символики. Суд ограничился наказанием с условным сроком в один год.

Заявитель подал апелляционную жалобу в Будапештский областной суд (*Fővárosi Bíróság*).

24 июня 2004 г. этот суд решил прекратить судопроизводство и направить дело в Судебную Палату Европейских Сообществ (ЕСП) для вынесения предварительного определения, в соответствии со статьей 234 Соглашения о Европейском Сообществе (ЕС). Обращение – полученное ЕСП 28 июля 2004 г. – касалось трактовки принципа недискриминации в качестве фундаментального принципа закона Сообщества.

В своем обращении, Областной суд отметил, что в некоторых государствах-членах Европейского Союза (ЕС), таких как Итальянская Республика, символом левосторонних партий служит красная звезда или серп и молот. Поэтому, появился вопрос, если положение в одном государстве-члене ЕС, запрещающее использование символики международного движения рабочих, путем применения уголовного наказания, не является дискриминационным, в то время как демонстрация данной символики в других странах-членах не является уголовно наказуемым.

6 октября 2005 г. ЕСП заявила, что в сферу ее полномочий не входит ответ на обращение Областного суда.

16 ноября 2005 г. Будапештский областной суд оставил наказание заявителя без изменений.

Оценка Суда

Суд считает, что данное вмешательство может рассматриваться как вмешательство, преследующее законные цели по предотвращению беспорядков и защите прав других лиц.

Общие принципы

Тест определения «необходимости в демократичном обществе» предусматривает определение Судом, если обжалованное вмешательство соответствовало острой социальной необходимости. Договаривающиеся государства располагают определенной свободой усмотрения при оценке необходимости во вмешательстве. Однако данная свобода подлежит европейскому надзору, применяющемуся, также, в отношении правил и решений, которые его приводят в действие. Поэтому, Суд уполномочен вынести окончательное решение по поводу совместимости «ограничения» со свободой выражения, защищенной положениями статьи 10 (см. дело *Перна против Италии (Perna v. Italy)* [GC], № 48898/99, § 39, ЕСПЧ 2003-V; дело *Ассоциация Экин против Франции (Association Ekin v. France)*, № 39288/98, § 56, ЕСПЧ 2001-VIII).

Задачей Суда, при выполнении своей надзорной функции, не является занять место компетентных национальных властей, а, скорее, пересмотреть, согласно статье 10, решения, вынесенные ими в соответствии с их свободой усмотрения (см. дело *Фресоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [GC], № 29183/95, § 45, ЕСПЧ 1999-I).

В частности, Суд должен определить, если причины, приведенные национальными властями для обоснования вмешательства, были «существенными и достаточными», и, если предпринятые меры были «пропорциональны преследуемым законным целям» (см. дело *Шови и другие против Франции (Chauvy and Others v. France)*, № 64915/01, § 70, ЕСПЧ 2004-VI). Таким образом, Суд должен прийти к заключению, что национальные власти, основываясь на допустимой оценке соответствующих фактов, применили стандарты, соответствующие принципам, предусмотренным статьей 10 (см. дело *Зана против Турции (Zana v. Turkey)*, решение от 25 ноября 1997 г., *Отчеты* 1997-VII, стр. 2547-48, § 51).

Суд, также, подчеркивает, что свобода выражения, предусмотренная абзацем 1 статьи 10, служит важнейшей основой демократического общества, а также одним из основных условий для его развития и самореализации каждого лица в отдельности. Согласно абзацу 2, свобода выражения применима не только к «информации» или «идеям», воспринимающимся положительно, считающимся безобидными или вызывающим равнодушие, но и к тем, что оскорбляют, шокируют или беспокоят; таковы требования плюрализма, терпимости и широкого мышления, без которых не

существует «демократического общества» (см. дело *Обершлик против Австрии (Oberschlick v. Austria)* (№ 1), решение от 23 мая 1991 г., серия А № 204, § 57, и дело *Нилсен и Джонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [GC], № 23118/93, § 43, ЕСПЧ 1999-VIII). Несмотря на то, что свобода выражения может предусматривать исключения, таковые «должны трактоваться в узком смысле» и «необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно установлена» (см., например, дело *Обзервер и Гардиан против Объединенного Королевства (The Observer and The Guardian v. the United Kingdom)*, решение от 26 ноября 1991 г., серия А № 216, стр. 29-30, § 59).

Более того, Суд подчеркивает, что статья 10 § 2 Конвенции не предусматривает ограничений на политические выступления или обсуждения вопросов общественного интереса (см. дело *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 74, ЕСПЧ 2001-VIII; дело *Сурек против Турции (Süreker v. Turkey)* (№ 1) [GC], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV). В данном деле, решение заявителя открыто прикрепить красную звезду должно рассматриваться как способ выражения своих политических взглядов. Положения статьи 10 распространяются на отображение символики на одежде.

Применение данных принципов к настоящему делу

В первую очередь, Суд напоминает дело *Реквени против Венгрии (Rekvényi v. Hungary)* ([GC], № 25390/94, §§ 44-50, ЕСПЧ 1999-III), которое касалось свободы выражения и ограничения определенных политических прав сотрудников венгерской полиции. В этом деле, ограничения были признаны совместимыми со статьей 10 Конвенции, в частности, по той причине, что они касались членов военных сил, которые – при существовавших обстоятельствах перехода к демократии – должны были играть ключевую роль в поддержке плюрализма, но, равным образом, могли бы его подорвать при потере своего нейтралитета. Суд постановил, что данное вмешательство попадало под свободу усмотрения национальных властей, так как они располагали необходимым пониманием исторического опыта Венгрии, которое и послужило основой для ограничений.

Однако Суд считает, что обстоятельства данного дела отличаются от вышеупомянутого дела с двух точек зрения. Во-первых, Г-н Важнай был политиком, не участвовавшим в исполнении власти, вверенной ему общественным правом, тогда как Г-н Реквени был сотрудником полиции. Во-вторых, прошло почти два десятилетия с перехода Венгрии к плюрализму, и страна показала себя в качестве стабильной демократии (см., в этой связи, дело *Сидабрас и Дзиаутас против Литвы (Sidabras and Džiautas v. Lithuania)*, №№ 55480/00 и 59330/00, § 49, ЕСПЧ 2004-VIII; дело *Райнис и Гаспаравичус против Литвы (Rainys and Gasparavičius v. Lithuania)*, №№ 70665/01 и 74345/01, § 36, 7 апреля 2005 г.). Венгрия стала государством-членом Европейского Союза после ее полной интеграции в систему ценностей Европейского Совета и Конвенции. Более того, нет никаких доказательств, подтверждающих наличие реальной и текущей опасности, что какое-либо политическое движение либо партия вернет диктатуру коммунизма. Правительство не доказало существования такой опасности перед тем, как установить данный запрет.

Суд, далее, отмечает, что аргумент Конституционного Суда основывался на широкой сфере применения свободы усмотрения, которой государства располагают в данной области. Однако следует отметить, что ни в одном деле, упомянутом Конституционным Судом (дело *Барфод против Дании (Barfod v. Denmark)*, решение от 22 февраля 1989 г., серия А № 149; дело *Маркт интерн Ферлаг ГмбХ и Клаус Берманн против Германии (Markt intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany)*, решение от 20 ноября 1989 г., серия А № 165; дело *Чорхерр против Австрии (Chorherr v. Austria)*, решение от 25 августа 1993 г., серия А № 266-B; дело *Касадо Кока против Испании (Casado Coca v. Spain)*, решение от 24

февраля 1994 г., серия А № 285-А; дело *Якубовски против Германии (Jacubowski v. Germany)*, решение от 23 июня 1994 г., серия А № 291-А) речь не шла о масштабе усмотрения государства при ограничении свободы выражения политиков.

По мнению Суда, когда свобода выражения воплощается в политическое выступление – как в данном деле, ограничения обоснованы только в той мере, в которой существует четкая, острая и специфическая социальная необходимость. Следовательно, с особой внимательностью следует применять какие-либо ограничения, особенно, когда речь идет о символах, имеющих многочисленные значения. Суд считает, что в таких ситуациях возникает риск того, что неограниченный запрет на такую символику может, также, ограничить ее использование в контекстах, в которых любые ограничения были бы необоснованными.

Суд понимает, что хорошо-известные массовые нарушения прав человека, имевшие место при коммунизме, дискредитировали символическую ценность красной звезды. Однако, по мнению Суда, красная звезда не должна восприниматься исключительно как символ коммунистического тоталитарного режима, как отметило Правительство. Очевидно, что данная звезда, также, символизирует международное движение рабочих, борющееся за более справедливое общество, а также определенные законные политические партии, действующие в разных странах-членах ЕС.

Более того, Суд отмечает, что Правительство не доказало факт, что ношение красной звезды, исключительно, означает отождествление с тоталитарными идеями, в частности, в свете того, что заявитель носил ее на законно организованной, мирной демонстрации в его качестве вице-президента зарегистрированной, левосторонней политической партии, без каких-либо известных намерений участвовать в политической жизни Венгрии, пренебрегая принципами господства права. В этой связи, Суд подчеркивает, что, только в результате тщательного анализа контекста, в котором были сказаны оскорбительные слова, можно определить четкие различия между шокирующим и оскорбительным языком – защищенным статьей 10 – и языком, лишаящим права на терпимость в демократическом обществе.

Поэтому, Суд считает, что данный запрет слишком широк с точки зрения многочисленных значений оспоренного символа. Запрет может быть наложен на действия и идеи, на которые распространяются положения статьи 10, и нет ни одного удовлетворительного способа разграничить разные смыслы оспоренного символа. Действительно, соответствующий венгерский закон не пытается даже это сделать. Более того, если бы даже такое разграничение существовало, появились бы сомнения, вызывающие охлаждающий эффект на свободу выражения и самоцензуру.

Что же касается цели предотвращения беспорядка, Суд отмечает, что Правительство не привело ни одного примера того, что ношение красной звезды вызвало опасность организации беспорядков в Венгрии. По мнению Суда, подавление гипотетической опасности, в качестве превентивной меры по защите демократии, не может рассматриваться как «острая социальная необходимость». В любом случае, помимо данного запрета, венгерский закон предусматривает наказание за ряд правонарушений, в целях подавления общественных беспорядков, даже если таковые были бы вызваны использованием красной звезды.

Что касается связи между запретом на использование красной звезды и оскорбительной, тоталитарной идеологией ее основывающей, Суд подчеркивает, что потенциальная пропаганда данной идеологии, какой бы отрицательной она ни была, не может служить единственной причиной для ее ограничения путем уголовного наказания. Символ, который может иметь несколько смыслов в контексте данного дела, в котором его носил лидер зарегистрированной политической партии без известных тоталитарных амбиций, не может сравниваться с опасной пропагандой. Однако, статья 269/Б Уголовного кодекса Венгрии не требует доказательства того, что фактическая демонстрация символа эквивалентна тоталитарной пропаганде. Напротив, простая демонстрация символов неопровержимо считается пропагандой, за исключением случаев, когда их применение обусловлено научными, художественными, информационными или воспитательными целями (см. абзац 41 выше). Для Суда данная неразборчивая характеристика запрета подкрепляет заключение, что понятие запрета недопустимо широко.

Конечно, Суд отдает себе отчет в том, что систематический террор, применяемый для укрепления коммунистической власти в некоторых странах, включая Венгрию, оставил серьезный шрам в памяти и сердце Европы. Суд допускает, что демонстрация символа, который был вездесущ во время коммунистического режима, может вызвать беспокойство среди бывших жертв и их родственников, которые, по праву, могут считать такие демонстрации проявлением неуважения. Но, несмотря на это, Суд считает, что такие чувства, вызывающие понимание, не могут служить основой для ограничения свободы выражения. Учитывая хорошо-известные легальные, моральные и материальные гарантии Венгерской Республики перед жертвами коммунизма, такие эмоции не могут считаться рациональными страхами. По мнению Суда, правовая система, применяемая ограничения к правам человека в целях удовлетворения диктата общественных чувств – реальных или воображаемых – не может рассматриваться как система, удовлетворяющая острые социальные требования, признанные в демократичном обществе, так как данное общество должно оставаться благоразумным в своем мышлении. В противном случае, свобода слова и выражения мнений были бы подвержены вето.

Вышеприведенные суждения достаточны для того, чтобы позволить Суду прийти к заключению, что осуждение заявителя всего лишь за тот факт, что он носил красную звезду, не может рассматриваться как удовлетворение «острой социальной необходимости». Более того, примененная мера пресечения, несмотря на свой достаточно мягкий характер, относится к сфере уголовного права, влекущего за собой наиболее серьезные последствия. Суд не считает, что мера наказания была пропорциональна преследуемой законной цели. Следовательно, вмешательство в право заявителя на свободу выражения не может быть обоснованным согласно статье 10 § 2 Конвенции.

Таким образом, в данном деле имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу

ДЕЛО «БЕЙКС против ЛЮКСЕМБУРГА»

«BACKES v. LUXEMBURG»

(Заявление № 24261/05)

8 июля 2008г.

Истец, г-н Эрнест Бейкс, родился в 1946 году и проживает в Клайнмахере.

В прошлом, он был членом администрации компании «Clearstream» (бывшая CEDEL), и написал книгу, в соавторстве с одним из журналистов, озаглавленную «*Révélation\$*» (Откровения\$), которая вышла в свет 1 марта 2001 года, в Люксембурге, Франции и Бельгии. Он утверждал что данная книга вызвала последствия на международном уровне так как он раскрыл незаконные действия, имевшие место в ходе международного процесса

«клиринга» (компенсации), проведенного группой компаний «Clearstream». В данной работе были упомянуты определенные лица, связанные с финансовым миром.

12 апреля 2001 года Н.С. подал на истца иск, обвинив его в клевете, злословии и, как минимум, в нанесении публичного оскорбления посредством опубликования информации, содержащейся в примечании, расположенном в сноске на одной из страниц указанной работы.

В свое оправдание, истец представил национальным судебным органам различные документы.

Доказательства, представленные истцом внутренним судебным органам.

Истец указывает что для того, чтобы написать свою книгу, он использовал информацию, содержащуюся в «Примечании об [одном иракском финансисте]» (без даты и подписи), в котором было указано что «(...) [адвокат Н.С.], [был] известен тем что у него были связи с банкиром [М.С.] и его подозревали в связях с организованной преступностью, в частности, в Соединенных Штатах Америки.(...)». 12 января 2004 года истец представил судьям и участвующим в процессе сторонам данный документ, уточнив что речь шла об исследовательских записях, сделанных одним из итальянских еженедельников [Е.], которые были ему переданы через факс 30 сентября 1994 года. В своем заявлении, поданном в Европейский Суд по Правам Человека 13 сентября 2005 года, истец подчеркнул что данная информация была подготовлена журналистами, работающими в указанном еженедельном издательстве.

Истец также представил и ряд других документов, в которых упоминалось имя г-на Н.С., в частности, статьи из итальянских газет (на итальянском языке и без перевода), выписки из двух работ («*Новые сети коррупции*»; «*Европа для комбинаций и винных кувшинов*» и «*Шведская связь*»), отчет (на итальянском языке и без перевода), составленный следственной комиссией Парламента Италии в 1988 году, равно как и выписку из книги («*Kuka Tarvitsi Pentti Kouria?*») на финском языке и без перевода. Истец также представил и документы, свидетельствующие о том, что в 1972 году в одном из банков находились на хранении акции предприятия, чьим руководителем являлся г-н Н.С.

Наконец, истец представил судебное постановление, изданное 13 февраля 2002 года, согласно которому был отклонен гражданский иск г-на Н.С. на возмещение причиненного ему ущерба, нанесенного ему, как он утверждал, вследствие опубликования 23 февраля 2001 года статьи, подписанной одним из журналистов.

Постановление суда первой инстанции

Постановлением, принятым 13 мая 2003 года, коррекционный отдел районного суда Люксембурга оправдал истца по обвинению в клевете и злословии, однако признал его виновным в нанесении публичного оскорбления, так как он написал что «[г-на Н.С.] подозревали в связях с организованной преступностью, в частности, в Соединенных Штатах Америки». Истец был приговорен к оплате штрафа в размере 1 500 Евро, а также выплатить 1 Евро гражданской стороне в качестве законных интересов.

18 июня 2003 года истец обжаловал постановление, вынесенное первой судебной инстанцией 13 мая 2003 года. Он требовал снять с него обвинение в нанесении публичного оскорбления, считая что в его действиях отсутствовал всякий злой умысел. Он также подтвердил свою готовность предоставить доказательства по вменяемым ему действиям, а именно, посредством дачи свидетельских показаний, то есть, что «[г-на

Н.С.] подозревали в связях с организованной преступностью, в частности в Соединенных Штатах Америки.» 27 апреля 2004 года Апелляционный Суд постановил оставить в силе решение, принятое первой судебной инстанцией.

Позднее, 16 декабря 2004, Кассационный Суд отклонил поданную истцом кассационную жалобу.

Предполагаемое нарушение предписаний статьи 10 Конвенции

Свобода выражения своего мнения является одной из основ демократического общества, одним из первоочередных условий его прогресса и процветания каждого его члена. За исключением предписаний параграфа 2 статьи 10, это относится не только к «информации» или «идеям», принимаемым с благосклонностью или считающихся безопасными или нейтральными, а также к тем, которые поражают, шокируют или провоцируют беспокойство: таковыми являются неотъемлемые условия плюрализма, толерантности и духа открытий, при отсутствии которых не может существовать «демократическое общество». От права на свободу выражения своего мнения, согласно предписаниям статьи 10 в нынешней редакции, существует несколько исключений, которые следует интерпретировать в узком смысле, а необходимость ограничения данного права должна быть твердо обусловлена.

Прилагательное «необходимое», в смысле статьи 10 § 2, предполагает существование «императивной социальной необходимости». Государствам, подписавшим Европейскую Конвенцию о защите Прав и Основных Свобод Человека, предоставлена свобода оценивания существования таковой необходимости, однако данная свобода предполагает также возможность осуществления контроля, со стороны Европейского Суда по правам Человека, как закона, так и решений о применении такового, даже они были приняты национальными независимыми органами правосудия. Следовательно, Суд располагает полномочиями постановить, в последней инстанции, соответствует ли то или иное «ограничение» положениям статьи 10, защищающим право на свободу выражения своего мнения.

При осуществлении данного контроля, Суд не преследует цели заменить собой органы внутреннего правосудия, а именно проверить, с точки зрения статьи 10, принятые ими решения на основании свободы оценивания, которой они располагают. Однако, это не означает что Суд должен ограничиться рассмотрением факта, воспользовались ли внутренние органы правосудия этим правом добросовестно, с должным вниманием и со здравым смыслом: Суду предстоит рассмотреть данное вмешательство учитывая все обстоятельства данного дела для того чтобы определить, можно ли считать что мотивы, на которые ссылались внутренние органы правосудия для оправдания указанного вмешательства, «достаточными и относительными», а также являлось ли данное вмешательство «пропорциональным по отношению к преследуемой законной цели». При установлении данных фактов, Суду предстоит убедиться что власти страны применили правила согласно принципам, освященным нормами статьи 10 и более того, основываясь на допустимом оценивании имеющих отношение к данному делу фактов (см., помимо многих прочих, дело *«Педерсен и Баадсгаард против Дании»* [GC], № 49017/99, §§ 68-71, ЕСПЧ (Европейский Суд по правам Человека) 2004-XI; *«Стил и Моррис против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии»* от 15 февраля 2005, № 68416/01, ЕСПЧ 2005-II, § 87, и *«Мамэр против Франции»* от 7 ноября 2006, № 12697/03, § 19).

Применение ранее упомянутых принципов

Суд напоминает что истец был вызван в коррекционный суд вследствие опубликования им, на странице 320 книги *«Révélation\$»*, в сносках, примечания, в котором сделал четыре заявления, касающиеся г-на Н.С. Суд, с самого начала отмечает, что истец был оправдан по выдвинутым в его

адрес трем обвинениям, и был признан виновным только в публичном оскорблении, так как написал что «[г-на Н.С.] подозревали в связях с организованной преступностью, в частности, в Соединенных Штатах Америки».

Согласно судебной практике Европейского Суда, для того, чтобы оценить оправдательную основу той или иной оспариваемой декларации, следует провести различие между фактическими заявлениями и оценочными суждениями. Существование фактов можно доказать, а точность оценочного суждения нельзя доказать; требование доказать достоверность оценочных суждений невыполнимо и представляет собой посягательство на свободу выражения своего мнения, являющейся основной составляющей права, гарантированного нормами статьи 10. Определение того или иного заявления как являющимся фактическим заявлением или же оценочным суждением, говорит, в первую очередь о свободе оценивания, которой обладают национальные власти, а именно внутренние органы правосудия. В то же время, если заявление приравнивается к оценочному суждению, то оно должно обладать достаточным фактическим основанием, в отсутствие которого может быть признанным чрезмерным (см., например, ранее процитированное дело «*Педерсен и Баадсгаард*», § 76).

В данном случае, вменяемый истцу отрывок, если рассматривать его в целом, следует считать оценочным суждением. Кстати, внутренние органы правосудия не оспаривали данный факт, посчитав публичным оскорблением факт опубликования указанного заявления (см. параграф 16).

В том же что касается вопроса о наличии «достаточного фактического обоснования», то истец указал, что он выписал указанное заявление из одного «Примечания касающегося [одного из иракских финансистов]». Однако несмотря на это, Суд считает что данное примечание, не имеющее ни даты, ни подписи, ставит под сомнение разноречивую информацию, предоставленную истцом. Так, перед лицом внутренних органов правосудия, истец указал что речь шла об исследовательских записях, сделанных одним из итальянских еженедельников Е., переданных ему через факс 30 сентября 1994 года; а позднее, в заявлении, поданном в Европейский Суд по Правам Человека, он подчеркнул что это примечание было подготовлено журналистами указанного еженедельного издания. Несмотря на это, истец в своих записях от 13 апреля 2007 года, пишет что данное примечание было издано внутренними органами правосудия и было адресовано властям Милана, вследствие требования об оказании взаимопомощи, что якобы и объясняет как оно попало в руки итальянского журналиста.

Далее, истец указывает также и на другие составляющие, представленные внутренним органам правосудия, а именно, на статьи журналистов, книги и отчет комиссии по расследованиям Парламента Италии. В том же что касается данных документов, которые в некоторых местах нельзя прочесть и несопровождаемые переводом, Апелляционный Суд отметил что читатель может безуспешно искать какую-либо связь между г-ном Н.С. и организованной преступностью из Соединенных Штатов Америки. Судьи пришли к выводу, что ни один из пришитых к делу документов, не позволял установить, хотя бы в той или иной степени, достоверность вменяемого г-ну Н.С. факта. Равно как и внутренние органы правосудия, Суд считает что не существует достаточного фактического основания для того чтобы утверждать что «[г-на Н.С.] подозревали в связях с организованной преступностью, в частности, в Соединенных Штатах Америки».

Кроме того, истец представил судебное постановление, вынесенное по гражданскому иску 13 февраля 2002 года, согласно которому было отклонено требование г-на Н.С. к одному из журналистов возместить нанесенный ему ущерб вследствие опубликования им статьи 23 февраля 2001 года (приблизительно шестью днями ранее опубликования самой книги «*Révélation*»). Однако несмотря на это, следует признать что данное судебное постановление не содержит ничего нового в сравнении с ранее представленными доказательствами. Наконец, данное судебное решение нельзя считать достаточным фактическим основанием, так как оно предшествовало выходу в свет книги «*Révélation*».

Наконец, касательно жалобы истца на то, что он безуспешно предоставил доказательство вменяемого ему отрывка, Суд напоминает что предоставленное истцом доказательство было объявлено недопустимым, на основании того, что сделанные истцом заявления были неточны. Кроме этого, ранее судьи уже постановили что истец не указал, что именно он понимал под организованной преступностью, с кем и при каких обстоятельствах г-н Н.С. якобы имел связь о которой он утверждал, и кто именно изобличил его. Судьи пришли к выводу что, учитывая неточность заявлений, доказательство, подтверждающее что данные заявления являлись достоверными или же ложными нельзя было принять к рассмотрению. Суд считает что данный вывод соответствует его собственной судебной практике.

Верным является и то, что сделанные истцом заявления касались вопроса, представляющего общественный интерес, так как в книге «*Révélation*» говорилось о «параллельном финансировании», что подразумевает, согласно утверждениям истца, всю незаконную или сомнительную деятельность и все банковские переводы в связи с совершенными преступлениями. Однако, даже в ходе дебатов по вопросам, представляющим огромный интерес для общественности, следует придерживаться определенных рамок права на свободу выражения своего мнения (см. дело «*Нилсен и Джонсен против Норвегии*» [GC], № 23118/93, § 47, ЕСПЧ 1999-VIII). Таким образом, истцу следовало бы отреагировать в установленных рамках, а именно в интересах «защиты репутации и прав третьих лиц». Таким образом, Суду предстоит определить, не преступил ли истец допустимые границы критики.

Для этого, Суду следует учитывать само содержание указанных заявлений, контекст в котором они были сделаны, равно как и все обстоятельства данного дела.

Суд считает что вывод, к которому пришли внутренние органы правосудия, согласно которому вменяемое истцу действие, а именно его утверждение что якобы г-на Н.С. подозревали в связях с организованной преступностью, нанесло урон чести адвоката, соответствует его юридической практике. Фактически, судьи первой судебной инстанции посчитали что использованные истцом выражения, будучи сформулированы расплывчатым и неоднозначным образом, являлись пренебрежительными; и следовательно, судебная инстанция постановила, что истец, тем что не указал кто именно подозревал г-на Н.С. и в чем именно, сделал невозможным для последнего доказать недостоверность высказанных в его адрес обвинений. Апелляционный Суд также заключил что, в контексте книги «*Révélation*», выражение «имел связи» имело глубоко оскорбительную коннотацию, так как косвенно подразумевало что адвокат, чье имя было упомянуто наряду с лицами, названными «бывшими банкирами мафии», якобы сам принимал участие в незаконной деятельности.

В этом отношении, Суд должен заключить, что с одной стороны, истец отрицает что в его книге он высказался как об уже установленном факте то, что г-на Н.С. якобы «подозревали в связях с мафией» и что он обвинил его в том, что тот якобы лично участвовал в незаконной деятельности, а с другой стороны, Суд должен предоставить комментарии касательно тенденциозной коннотации данного высказывания.

Суд считает что интерес истца в распространении указанных заявлений не может преобладать над неоспоримым правом г-на Н.С. на защиту его адвокатской чести и репутации. Суд придерживается мнения, что было абсолютно законно то, что истец способствовал свободному общественному обсуждению проблем, о которых он говорил в своей книге «*Révélation*» однако он должен был сделать это без того, чтобы заявлять что г-на Н.С. «подозревали в связях с организованной преступностью, в частности, в Соединенных Штатах Америки».

В заключение, Суд полагает «относимыми и достаточными» мотивы, на которые ссылались внутренние органы правосудия когда пришли к выводу что действия истца нанесли урон репутации г-на Н.С., и постановили его виновность.

В том же что касается «пропорциональности» наказания, Суд отмечает что истец был объявлен виновным в совершении одного из правонарушений, будучи обязанным оплатить штраф, согласно нормам уголовного права, что, само по себе, придает предпринятым против него

мерам особую серьезность. Однако несмотря на это, Суд обращает внимание на размер назначенного ему штрафа, а именно 1 500 Евро, а равно как и на то, что истца обязали оплатить гражданской стороне символическую сумму в размере 1 Евро в качестве законных интересов. Сама по себе природа и серьезность примененного наказания также являются теми элементами, которые следует учитывать при оценивании пропорциональности вмешательства (см. дело «*Сюрек против Турции*» (№ 1) [GC], № 26682/95, § 64, ЕСПЧ 1999-IV).

В данных обстоятельствах, а также касательно содержания вменяемых истцу высказываний, Суд считает что предпринятые против него меры не являлись пропорциональными по отношению к преследуемой законной цели.

В заключение, внутренние органы правосудия могли разумно предполагать что вмешательство в права истца на свободу выражения своего мнения являлось необходимым в демократичном обществе, в смысле предписаний статьи 10 Конвенции, с целью защиты репутации и прав г-на Н.С.

Исходя из вышесказанного, Суд пришел к выводу, что в данном случае положения статьи 10 Конвенции не были нарушены.

Предполагаемое нарушение норм статьи 6 Конвенции касательно принципа справедливости

Истец, ссылаясь на предписания статьи 6 Конвенции, жаловался на недостаточность мотивации решений, принятых национальными властями касательно способов нарушения норм статьи 10 Конвенции.

Суд напоминает что право на справедливый судебный процесс, так как оно гарантировано положениями статьи 6 § 1 Конвенции, включает именно права сторон процесса представить свои замечания, которые они считают имеющими отношение к рассматриваемому судом делу. Так как нормы Конвенции не гарантируют теоретические или же иллюзорные права, а именно конкретные и эффективные права (см. дело «*Артико против Италии*», постановление от 13 мая 1980, серия А № 37, стр. 16, § 33), то это право можно считать эффективным только при условии что данные замечания будут действительно «предусмотрены», то есть в обязательном порядке рассмотрены соответствующей судебной инстанцией. Иначе говоря, нормы статьи 6 предполагают обязанность «судебной инстанции» провести эффективное рассмотрение средств, аргументов и доказательств, представленных обеими сторонами, за исключением их относимости (см. дело «*Перез против Франции*» [GC], № 47287/99, § 80, ЕСПЧ 2004-I, и «*Албина против Румынии*», № 57808/00, § 30, 28 апреля 2005). Если же эти средства относятся к «правам и свободам» гарантированным нормами Конвенции или же ее Протоколами, то внутренние органы правосудия должны рассмотреть соответствующий вопрос со всей серьезностью и уделив ему особое внимание (см. дело «*Вагнер и Дж.М.В.Л. против Люксембурга*», № 76240/01, § 96, ЕСПЧ 2007-... (выписки)).

Суд еще раз подчеркивает, что учитывая то, что предписания статьи 6 § 1 обязывают судебные инстанции мотивировать принятые ими решения, требование предоставить детальный ответ на каждый из представленных сторонами аргументов, нельзя считать чрезмерным. Объем данного обязательства может варьировать в зависимости от природы принятого судебного решения или постановления. Кроме этого, также следует, в частности, учитывать и разнообразность способов, к которым может прибегнуть правозащитник в ходе судебного процесса, а также особенности, существующие в различных странах-членах Европейской Конвенции о Зашите Прав и Основных Свобод Человека, касающиеся законодательных предписаний, обычаев, доктринальных концепций, представления и редактирования судебных решений и постановлений. Именно поэтому вопрос, касающийся выполнения той или иной судебной инстанцией своей обязанности по обоснованию принятых ею решений, в соответствии с требованиями статьи 6 Конвенции, может быть проанализирован только учитывая все обстоятельства дела (см. дело «*Руиз Ториха против Испании*», постановление от 9 декабря 1994 года, серия А № 303-А, § 29; «*Хелле против Финляндии*», постановление от 19 декабря 1997 года, *Собрание постановлений и решений Европейского Суда по Правам Человека* 1997-VIII, § 55).

В данном случае, внутренние органы правосудия упустили ясно высказаться на счет способа примененного согласно нормам статьи 10 Конвенции. Следовательно, Суду предстоит установить, можно ли в данном случае разумно предполагать что невысказывание внутренними органами правосудия своей позиции в отношении данного обстоятельства, являлось косвенным отклонением рассмотрения такового. Коррекционный суд попробовал установить, присутствовал ли состав преступления (публичное оскорбление) во вменяемых истцу высказываниях. В частности, судебная инстанция посчитала что, будучи расплывчато и неоднозначно сформулированы, использованные истцом высказывания являлись пренебрежительными, могущими нанести урон чести г-на Н.С., а равно как и то, что истец сознательно опорочил адвоката в глазах общественности.

Апелляционный Суд постановил, в первую очередь, что коррекционный суд проанализировал элементы, входящие в состав вышеупомянутого преступления. Далее судебная инстанция напомнила что истец оспорил моральную целостность Н.С. и сослался на положения статьи 10 Конвенции, утверждая что журналист исполняет свои обязанности, получая информацию из своих источников, достоверность которой он обязан проверять только в разумных границах и в меру своих возможностей. Следовательно, Апелляционный Суд проанализировал источники информации истца посредством представленных ему доказательств и пришел к выводу что эти документы не позволяли установить, в той или иной мере, реальность вменяемых г-ну Н.С. фактов. Следовательно, Апелляционный Суд посчитал разумным и правильным принять решение, согласно которому признать истца виновным в нанесении публичного оскорбления г-ну Н.С. посредством опубликования вышеприведенного отрывка.

Кассационный Суд, со своей стороны, постановил что Апелляционный Суд, констатируя наличие всех элементов состава указанного преступления, предоставил косвенный ответ на выдвинутые истцом аргументы касательно положений статьи 10 Конвенции.

В данных условиях, Суд считает что у истца нет оснований утверждать что принятые внутренними судебными органами решения не были достаточно обоснованы, даже учитывая то, что в данном случае, было бы желательно предоставить более доскональное обоснование касательно соблюдения норм статьи 10 Конвенции.

В заключение, Суд считает что положения статьи 6 § 1 Конвенции не были нарушены.

Жалобы на иные правонарушения

Наконец, истец жалуется на то, что внутренние судебные инстанции отклонили его предложение предоставить соответствующие доказательства, а именно свидетельские показания, ввиду доказательства достоверности опубликованных им заявлений. Он сослался на ранее процитированные положения статьи 6 Конвенции.

Суд напоминает что допустимость доказательств, зависит, в первую очередь, от норм внутреннего права, которыми, в принципе и руководствуются власти страны при оценивании представленных им на рассмотрение доказательств. Задача органов Конвенции состоит в том, чтобы рассмотреть, являлась ли справедливой сама процедура, а равно как и способ рассмотрения средств доказывания. Суд еще раз подчеркивает что нормы статьи 6 не признают абсолютного права обвиняемого на вызов свидетелей в суд. Таким образом, в принципе, именно внутренние органы правосудия постановляют необходимость или целесообразность вызова свидетелей в суд (см., помимо прочих, дело «С.Н. против Швеции», № 34209/96, § 44, ЕСПЧ 2002-V).

В данном случае, для того чтобы объявить истца виновным в нанесении публичного оскорбления, коррекционный суд упомянул что он не указал что именно понимал под организованной преступностью, с кем и при каких обстоятельствах у г-на Н.С. якобы была указанная связь, и кто именно

изобличил адвоката. Судебная инстанция также констатировала, что в отсутствие необходимых уточнений, доказательство достоверности или же недостоверности сделанного истцом заявления могло быть принято к рассмотрению только вследствие объявления недопустимым предложение истца предоставить доказательства, на основании того, что факты, представленные в качестве доказательства не являются точными. Апелляционный Суд постановил оставить в силе принятое первой судебной инстанцией решение, согласившись с мотивами, на которые сослался коррекционный суд.

В данных условиях, внутренние судебные инстанции оценили правдоподобность средства доказывания учитывая все обстоятельства дела и обосновав принятое ими решение должным образом. Суд не считает, что внутренние судебные органы приняли необоснованные решения касательно представленных им фактов, или же что они преступили границы разумного толкования применимых в данном случае положений. В то же время, простое несогласие истца с принятым судебным решением не может быть достаточным, для того чтобы заключить, что данная процедура была лишена справедливости.

Исходя из вышесказанного, очевидно что данная часть жалобы не является обоснованной, в смысле предписаний статьи 35 § 3 Конвенции, и, следовательно, Суд, применяя положения статьи 35 § 4 Конвенции, постановляет отклонить ее.

СОГЛАСНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МУЛАРОНИ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ МОТИВАЦИИ НЕКОТОРЫХ РЕШЕНИЙ

Я полностью согласен с большинством судей, что в данном случае положения статьей 10 и 6 Конвенции не были нарушены.

Однако, касательно статьи 10, хотелось бы уточнить следующее.

Я не придерживаюсь того же мнения что и большинство моих коллег, проголосовавших за отсутствие нарушения указанных норм на том основании, что «данный отрывок, если рассматривать его в целом в своем контексте, следует считать оценочным суждением. Внутренние органы правосудия не опротестовали данный факт, постановив что опубликование указанного заявления представляло собой публичное оскорбление» (см. параграф 45 судебного решения).

С одной стороны, как мне кажется, внутренние органы правосудия все время говорили об «инкриминации определенных фактов определенному лицу». Так как вменяемые факты не были точны, они посчитали что предложение о предоставлении доказательств следует считать недопустимым, так как оно не было разрешено» (см., в частности, параграфы 14-21 и 46 из судебного постановления).

С другой стороны, когда кто-то пишет что «[...] подозревают в связях с организованной преступностью, в частности, в Соединенных Штатах Америки» то это, по моему мнению, бесспорно является фактическим заявлением, лишенным точности, и никоим образом не может являться оценочным суждением.

Итак, считаю что аргументы, о которых идет речь в параграфе 46 судебного постановления, являются более чем достаточными ввиду оправдания решений, принятых внутренними органами правосудия. В то же время также хочу не согласиться с мнением большинства судей, что Суд никоим образом не может считать судебное решение, принятое по гражданскому иску, в качестве фактического обоснования, если таковое предшествовало публикации книги или статьи. По моему скромному мнению, данный элемент не только не играет никакой определяющей роли, но также и неубедителен.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗАГРЕБЕЛСКИ

Я голосую за констатацию нарушения положений статьи 10 и могу примкнуть к особому мнению, высказанному судьей Сахо. Я также согласен с мнением судьи Попович, который указывает еще на один мотив оправдания вывода в пользу нарушения положений статьи 10.

Хочу подчеркнуть наличие особого мнения, высказанного судьей Сахо, в котором проанализированы последствия отказа в рассмотрении доказательств, представленных истцом, для защиты прессы в общем и журналистских расследований, в частности.

Внутренние органы правосудия ограничились квалификацией указанной фразы как будучи «неопределенной», «неточной» и «расплывчатой», не прибегая к таким понятиям как «оценочное суждение» и «фактическое основание», являющимися терминами, обычно используемыми Судом в своей судебной практике. Однако, даже если бы речь шла просто об оценочном суждении (а в данном случае, как мне кажется, мы находимся именно на грани фактического заявления), перед истцом стояла бы задача, а, следовательно, он имел и право доказать, в меру располагаемых возможностей, наличие фактического основания, подтверждающего сделанные им заявления (см. дело *«Иерусалем против Австрии»*, № 26958/95, § 42, ЕСПЧ 2001-II).

Задача внутренних властей состоящая в том, чтобы разрешить журналисту доказать наличие достаточного фактического основания является для указанного государства настоящим процедурным обязательством, в рамках защиты права на свободу выражения своего мнения (см., с соответствующими изменениями, дело *«МакВикар против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии»*, № 46311/99, § 87, ЕСПЧ 2002-III). Отказ внутренних судебных органов разрешить истцу доказать достоверность своих источников, сам по себе, является одним из случаев нарушения предписаний статьи 10.

Однако я не считаю, что в данном случае также были нарушены и положения статьи 6.

В своей кассационной жалобе, истец жаловался на то, что судебные инстанции не высказали своего мнения касательно его предложения предоставить соответствующие доказательства. Читая решение Апелляционного Суда, выясняем что истец предоставил элементы для того «чтобы доказать то, что он действовал в отсутствие злого умысла, установить достоверность вменяемым ему фактов и, более того, как минимум, доказать то, что он проверил достоверность сделанных им заявлений, в разумных и возможных границах». Со стороны истца, мы имеем дело с ответственным отношением, полностью соответствующим судебной практике Европейского Суда по Правам Человека.

Кассационный Суд ограничился тем, что перенял высказанное первой судебной инстанцией мнение, посчитав что в данном случае судьи столкнулись с «неопределенным и расплывчатым фактом, доказательство достоверности которого нельзя уполномочить».

В том же что касается избранного истцом средства на основании статьи 10 Конвенции, то Кассационный Суд отклонил его, сославшись на то, что «пользуясь гарантиями, предоставляемыми положениями статьи 10 Конвенции, при помощи данного средства, истец всего лишь пытался еще раз подать на рассмотрение суда факты и доказательства, которые уже имели преюдициальный характер, будучи ранее рассмотрены судом первой инстанции».

Мне кажется, что, напротив, поднятый истцом вопрос, имел, в частности, правовой характер, касаясь допустимости представленных им доказательств, в свете судебной практики Европейского Суда по статье 10.

Оба средства являлись взаимозависимыми и ставили немаловажный вопрос, однако Кассационный Суд не предоставил никакого ответа на него. Само собой разумеется, что Суд может постановить отсутствие необходимости предоставить ответ на специфическое средство, к которому прибегнул истец в ходе общего обсуждения. Однако этого нельзя сказать и в данном случае. Именно по данной причине, согласно моему мнению, в данном случае мы имеем дело с нарушением права на справедливый судебный процесс.

Кроме этого, данное дело равным образом ставит немаловажные вопросы принципиального характера, которые, как я считаю, нуждаются в отдельном рассмотрении.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПОПОВИЧ

Я не могу присоединиться к мнению большинства моих коллег, которые постановили что в данном случае предписания статьи 10 Конвенции не были нарушены, в частности из-за нижеследующих мотивов.

Истец предстал перед коррекционным судом вследствие подачи иска одним из частных лиц, которое потребовало выплатить ему всего лишь 1 Евро в качестве законных интересов. Однако истец впоследствии был обязан оплатить, помимо этого, также и штраф в размере 1 500 Евро.

Согласно предписаниям статьи 448 Уголовного кодекса Люксембурга, публичное оскорбление наказывается лишением свободы сроком от восьми дней до двух месяцев и штрафом в размере от 251 до 5 000 Евро.

В отличие от мнения, высказанного большинством моим коллег, я считаю что размер наложенного на истца штрафа является чрезмерным и что такое наказание не является обязательным в демократичном обществе. В данном случае мы имеем дело с писателем, чья миссия состоит в предоставлении обществу информации. Кроме этого, внутренние судебные инстанции не только обязали истца оплатить символическую сумму в качестве законных интересов, но также и штраф в размере 1 500 Евро. Данное наказание, согласно моему мнению, находится на грани права на оценивание, каким обладают государства-члены Конвенции.

Я считаю что в данном случае мы имеем дело с нарушением норм статьи 10 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ САХО

К моему большому сожалению, я не могу разделить мнение большинства моих коллег касательно констатации того факта, что в данном случае предписания статьи 10 Конвенции не были нарушены.

Предметом данного спора является короткое примечание, напечатанное в сносках к одной из серьезных и существенных работ по журналистскому расследованию. Таковая работа отвечает требованиям, необходимым для того, чтобы воспользоваться в полной мере привилегиями, предоставляемыми прессе нормами статьи 10. В указанном примечании речь идет о г-не Н.С., адвокате по профессии, который, в качестве бывшего председателя Коллегии Адвокатов из Люксембурга, играет значительную роль в поддержании доверия общества к осуществлению правосудия. А в данной работе рассматривается именно неподкупность финансовых институтов и их соответствующих услуг. Таким образом, речь идет о вопросе, представляющим большое значение для широкой общественности. Касательно же событий, связанных с делом компании «Clearstream», хотелось бы отметить что борьба с противозаконными сделками будет обречена на провал, если в ней не будет участвовать гражданское общество; серьезные журналистские расследования представляют собой мощное общественное оружие, крайне необходимое в

демократичном обществе. Все это свидетельствует о предоставляемой Судом особой защиты прессе, позволяющей ей исполнять роль сторожевого пса. Ранее Суд уже постановлял что «журналистская свобода также предполагает и право прибегать к определенной доле утрирования, может, даже и провокации» (см. дело «*Прагер и Обершлик против Австрии*», постановление от 26 апреля 1995 года, серия А № 313, § 38). В данном случае, основная часть судей, в принципе, считает что указанный уровень защиты может быть применен.

Большинство моих коллег придерживаются мнения, принятого Судом по делу «*Педерсен и Баадсгаард против Дании*» ([GC], № 49017/99, ЕСПЧ 2004-XI), по крайней мере в том, что касается квалифицирования указанного заявления. Внутренние судебные органы посчитали что данное заявление является оценочным суждением, и именно поэтому квалифицировали его в качестве публичного оскорбления. Касательно же других аспектов, дело «*Педерсен и Баадсгаард*» не является относимым. В данном случае, вопреки обстоятельствам рассматриваемого Судом случая, ранее упомянутая декларация не является, даже косвенно, обвинением в совершении преступления, однако внутренние органы правосудия истолковали ее именно таким образом. Адвоката можно «подозревать в связях с организованной преступностью» без того чтобы он лично совершал какое-либо преступление. Фактически, он может отрицать что у него были контакты с лицами и фирмами, в качестве администратора и/или агента, оплачивающего различные компании, даже те, которые вовлечены в различные сомнительные операции, однако без того чтобы лично участвовать в преступных действиях. На момент происхождения событий, адвокаты из Люксембурга не были обязаны предпринимать меры по установлению источника фондов, инвестированных в то или иное предприятие: это стало для них обязательным требованием, вследствие принятия ряда законов, регулирующих проблему отмывания денег (принятых, в частности, в ответ на сделанные прессой открытия). В данном случае, г-н Н.С. признал перед лицом внутренних судебных органов что у него были профессиональные связи с М.С. (а равно как и с другими лицами, приговоренными за совершение тяжких преступлений, связанных с мафией). Ясно, что речь не шла о конфиденциальной связи, существующей между адвокатом и его клиентом.

Указанное заявление было сформулировано в форме примечания, приведенного в поле ссылок на одной из страниц указанной работы, следующей за упоминанием о данных связях и аналогичных контактах (признанных также и г-ном Н.С.). Кстати, М.С. был приговорен к лишению свободы сроком на двадцать лет за то, что являлся банкиром мафии. Другая профессиональная связь г-на Н.С. касается Ф.П., человека, имеющего судимости за совершение аналогичных преступлений. Если рассматривать вышеупомянутое примечание в общем контексте, тогда оценочное суждение можно толковать как являясь ссылкой на важную проблему, касающуюся профессиональной ответственности, что необязательно *должно восприниматься* как будучи утверждением о сопричастности к *уголовной* деятельности.

«[В] случае если то или иное заявление приравнивается к оценочному суждению, пропорциональность вмешательства зависит от наличия достаточного фактического основания» (см. дело «*Иерусалем против Австрии*», № 26958/95, § 43, ЕСПЧ 2001-II). Применяемый критерий при определении существования «достаточного фактического обоснования» нижеследующий: «предоставляемая нормами статьи 10 гарантия журналистам при осуществлении деятельности по информированию населения о вопросах, представляющих широкий общественный интерес будет действительной, при условии что заинтересованные лица действовали добросовестно, предоставляя точную и достоверную информацию и соблюдая принципы журналистской этики» (см. дело «*Бладет Тромсо и Стенссас против Норвегии*» [GC], № 21980/93, § 65, ЕСПЧ 1999-III). В деле «*Бладет Тромсо и Стенссас против Норвегии*» речь шла о фактическом заявлении по своей природе, которое, однако, являлось неточным с точки зрения самих фактов. Речь шла об охотниках на тюленей (которые совсем не обязательно должны быть общественными лицами или же лицами, исполняющими функцию, предполагающую наличие доверия со стороны населения), обвиняемых в совершении преступления. В таких случаях, и при наличии *фактических* заявлений, основывающихся на информации, содержащейся в официальных отчетах, требование, касающееся

журналистского профессионализма является исполненным и без того, чтобы было необходимо *предпринять независимое расследование* (там же, § 68). В данном же случае, внутренние органы правосудия посчитали что между г-ном Н.С и М.С. имела место профессиональная связь; однако при всем при этом, национальные судебные инстанции посчитали что это не являлось достаточным фактическим основанием для соответствующего оценочного суждения, сформулированного в виде примечания и расположенного на одной из страниц вышеупомянутой работы.

В деле «*Бладет Тромсо*», критерии ответственного, а следовательно, и добросовестного журнализма, были соблюдены, так как газета, напечатавшая данные высказывания, основывалась на информации, содержащейся в официальном отчете, который, однако не являлся окончательным и не был еще опубликован. В данном же случае, источником информации истца являлся официальный отчет, составленный комиссией по расследованию Парламента Италии. Было бы странно требовать большего в отношении фактического обоснования оценочного суждения, чем от фактического заявления, в котором сами факты, обвиняющие кого-то в совершении преступления, являются ошибочными. В данном случае, равно как и в деле «*Иерусалем против Австрии*», «истец (...) предложил представить соответствующие письменные доказательства, а именно газетные и журнальные статьи, касающиеся внутренней структуры и деятельности истцов, равно как и (...) одно из судебных постановлений. (...) Согласно высказанному Судом мнению, данные документы могли бы помочь, в определенной мере, доказать что сформулированное истцом оценочное суждение (...) являлось объективным комментарием. Кроме этого документа, представленного в качестве доказательства (...) истец (...) также предложил предоставить и свидетельские показания (...)» (там же, § 45). Могло стать что часть этих документов «были сомнительными в отношении предоставленной истцом разноречивой информации», как было заявлено большинством судьей. Однако это не является определяющим фактором. В данном случае мы имеем дело с оценочными суждениями, сформулированными прессой, а когда речь заходит о том, чтобы определить, отсутствовал ли в действиях журналиста злой умысел, расхождения по толкованию соответствующей информации не могут служить ему во вред.

Помимо этого, рассматриваемое в данном случае заявление, сколь шокирующим оно бы не казалось, определенно является менее оскорбительным, чем то, касательно которого Суд постановил что оно состояло под защитой норм Конвенции при рассмотрении дела «*Тома против Люксембурга*» (по обвинениям в коррупции). В последнем случае, Суд посчитал что «определенные заявления, сделанные истцом в ходе телевизионной передачи (...) являлись серьезными» (дело «*Тома против Люксембурга*», № 38432/97, § 57, ЕСПЧ 2001-III).

Истец указал что он был готов вызвать свидетелей. Однако, внутренние судебные органы ограничились рассмотрением имеющихся в их распоряжении публичных документов. Если бы указанные высказывания были квалифицированы в качестве фактического заявления, то у истца была бы возможность прибегнуть к перекрестному допросу свидетелей. Однако внутренние судебные инстанции посчитали что они имели дело с оценочным суждением, а в данном случае нельзя прибегнуть к доказательству его достоверности. Итак, истец не имел возможности продемонстрировать эти факты, имея гарантии, что его источники останутся конфиденциальными, будучи вынужден ограничиться публичными источниками. Такое ограничение возможностей истца несовместимо, в демократичном обществе, с необходимостями прессы, если мы желаем чтобы она (пресса) исполняла свое предназначение. Журналистские расследования не могут иметь место в отсутствие особых гарантий защиты источников информации. Не случайно Суд придал столь важное значение исключению фактических доказательств в деле «*Кастеллис против Испании*» (постановление от 23 апреля 1992 года, серия А № 236). В данном случае, подобно вышеупомянутому делу «*Иерусалем*», Суд занял принципиальную позицию против практики, разрешающей национальным судебным органам квалифицировать факты согласно их собственному усмотрению. Так можно дойти и до злоупотреблений, если для того чтобы отстранить фактические доказательства, внутренние судебные инстанции имели бы полную свободу квалифицировать то или иное заявление как оценочное суждение или же фактическое заявление. Такая практика

скомпрометировала бы процедуральные возможности автора заявлений, и может привести к цензуре. Также, в случае если рассматриваемые заявления представляют собой высказывание личного мнения, даже шокирующего или же глубоко оскорбительного, то было бы абсурдно думать что они могут быть доказаны. Так как речь идет о фактах, обусловивших высказывание подобного шокирующего или же оскорбительного мнения, то нельзя требовать предоставления соответствующих доказательств их достоверности, а всего лишь элементов, которые были бы достаточными для того, чтобы установить отсутствие злого умысла в действиях истца (см. ранее упомянутый критерий в деле *«Иерусалем»*, в частности, «достаточное фактическое основание»). Достаточное фактическое основание не касается абсолютной достоверности упомянутых в заявлении фактов, или же самой декларации, или легших в ее основу фактов, а в первую очередь, именно разумного характера предполагаемого факта, что в журналистике зависит от соблюдения профессиональной этики. От автора заявления требуется только доказать что у него имелись достаточные мотивы для того чтобы верить в достоверность того или иного факта, то есть в возможность его достоверности, так как источники, на основании которых он сделал свои выводы, были адекватны с разумной точки зрения. Его право доказать что в его действиях отсутствовал злой умысел, является нераздельной частью свободы выражения своего мнения, и косвенно также состоит под защитой положений статьи 10 (см., с *соответствующими изменениями*, выше упомянутое дело *«Кастеллис»*). Именно поэтому, (а именно когда нормы статьи 10 «поглощают» требование, согласно праву на справедливую процедуру, исключить определенные доказательства), считаю что в данном случае не следовало постановлять что нормы статьи 6 не были нарушены, так как дело, в принципе, ставит немаловажные вопросы в этом отношении (см. отдельное мнение судьи Загребелски).

В том же что касается чувствительного характера дела компании «Clearstream», то в этом отношении следует соблюдать и защищать определенную долю журналистской конфиденциальности. «Суд отмечает что права журналистов не раскрывать своих источников нельзя считать простой привилегией, которая может им быть предоставлена или отнята в зависимости от легальности или нелегальности их источников, а [является] настоящим атрибутом права на информацию, к которому следует относиться с величайшей осторожностью» (см. дело *«Тиллак против Бельгии»*, № 20477/05, § 65, ЕСПЧ 2007-...).

При определении пропорциональности ограничения следует также учитывать и тот факт, что данное заявление было уже «широко оглашено на момент происхождения событий» (см. дело *«Лингенс против Австрии»*, постановление от 8 июля 1986 года, серия А № 103, § 44), посредством составления отчета комиссии по расследованиям Парламента Италии, одним из серьезных итальянских журналов, а равно как и другими издательствами. Если репутация г-на Н.С., имеющего международную клиентуру, и была действительно ущемлена, то это определенно произошло не по вине примечания, опубликованного в сносках к одной работе, а из-за средств массовой информации и официальных документов, к которым уже достаточно долгое время имела доступ более многочисленная публика, чем читатели книги *«Révélation»*. Вследствие постановления виновности истца в нанесении публичного оскорбления, к нему было применено уголовное наказание, и суд обязал его также оплатить штраф в размере 1 500 Евро. Однако, подобно постановлению Суда после рассмотрения дела *«Бразилье против Франции»* (в котором истец был обязан оплатить один символический франк в качестве законных интересов), «хотя назначенное истцу наказание (...) является более чем умеренным, (...) оно, все же, само по себе, не может являться достаточным для оправдания вмешательства» (см. дело *«Бразилье против Франции»*, № 71343/01, § 43, 11 апреля 2006).

Свобода выражения своего мнения также предполагает и предоставление защиты серьезной журналистской практике, то же самое касается и журналистских источников. В ранее указанном деле *«Тиллак»* (параграф 55), Суд высказал свое мнение следующим образом: «когда дело касается прессы, как в данном случае, право оценивания, которым обладают национальные органы правосудия противопоставляется интересу демократического общества обеспечить и поддержать свободу прессы. Также данному интересу следует придавать большое значение тогда, когда

Centrul Independent de Jurnalism

необходимо определить, согласно требованиям, изложенным в параграфе 2 статьи 10, являлось ли то или иное ограничение пропорциональным по отношению к преследуемой законной цели (см., с соответствующими изменениями, дело «Гудвин против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии», [постановление от 27 марта 1996, *Собрание судебных постановлений и решений* 1996-II], стр. 500-501, § 40, и «Уорм против Австрии», постановление от 29 августа 1997, *Собрание* 1997-V, р. 1551, § 47)».

В данном случае, истец не смог предоставить элементы доказательств, пользуясь обычно гарантированной защитой, как минимум в делах по обвинению в клевете. В том же что касается «важности предоставления защиты журналистским источникам для обеспечения свободы прессы в демократичном обществе, то таковая мера [ограничения] будет соответствовать предписаниям статьи 10 Конвенции, при условии что она была оправдана безусловным преобладанием общественного интереса» (см. ранее процитированное дело «Гудвин», стр. 500, § 39, «Ремен и Шмит против Люксембурга», № 51772/99, § 57, ЕСПЧ 2003-IV, и «Эрнст и другие против Бельгии», № 33400/96, 15 июля 2003). Касательно же общественного интереса в защите серьезного журналистского расследования по вопросам, представляющим большое значение для общественности, с одной стороны, и размера ограничения, с другой стороны, (наложения уголовного наказания, в то время как в распоряжении лица, которого касались данные высказывания, имелись средства защиты предоставленные частным правом), я считаю что применение по отношению к г-ну Бейксу уголовного наказания является нарушением его права на свободу выражения своего мнения.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу

ДЕЛО «СУЛА и другие против ФРАНЦИИ»

«SOULAS and others v. FRANCE»

(Заявление № 15948/03)

10 июля 2008

Первые два истца, родились, соответственно, в 1955 и 1949г.г., и проживают в Париже. Юридический адрес третьего истца находится также в Париже.

Первый истец, Г. Сула, является директором одного издательства и администратором третьего истца, компании «SEDE». Второй истец, Г. Файе, является доктором политических наук, журналистом и писателем. Все три истца имеют отношение к работе, опубликованной в феврале 2000 года, озаглавленной «Колонизация Европы», с подзаголовком «Вся правда об иммиграции и Исламе». В данной работе, продаваемой в книжных

магазинах, автор «в частности подчеркивает то, что он считает несовместимым в европейской и исламской цивилизациях на определенной географической территории».

Книга начиналась с предупреждения автора к читателям. Он также признавался, что многие его убеждали не писать данной работы, так как таким образом он создавал себе проблемы. Автор уточнял, что он не высказывается от имени какой-либо определенной партии, группы, или философского течения и что его работа носит абсолютно личный характер, написана им по собственной воле, являясь проявлением абсолютной свободы. Он также уточнял что в этой книге читатель не найдет ни фольклора, ни каких-либо намеков, ни впадения в полный ненависти бред, или же низкого расизма, а только лишь должные и определенные утверждения в защиту неотъемлемого права европейцев оставаться самими собою.

Вследствие опубликования данной книги, прокурор республики при Высшем Трибунале Парижа вызвал в суд всех трех истцов, в соответствующем качестве автора работы (первый истец), сообщника (второй истец) и стороны, несущей гражданскую ответственность (третий истец), обвинив их в провоцировании дискриминации, ненависти и насилия по отношению к одному лицу или группе лиц, на основе их происхождения, принадлежности или непринадлежности к определенной расе, нации, этносу или религии. Прокурор основывал выдвинутые им обвинения на положениях статьей 23 и 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года. Он также процитировал различные отрывки из этой работы. Лига против расизма и нетерпимости (LICRA) и Движение против расизма и за дружбу между народами (MRAP) приняли решение участвовать в процессе в качестве гражданской стороны.

14 декабря 2000 года Высший Трибунал Парижа признал администратора издательского дома и писателя виновными, в качестве автора и сообщника правонарушений, указанных в статьях 23 и 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года о свободе прессы. Данное обвинение, однако, касалось только части вменяемых им отрывков. Все остальные обвинения с истцов были сняты, и они были приговорены к оплате 50 000 французских франков (FRF) [7 622, 45 Евро] каждый, в качестве штрафа и, совместно, оплате каждой гражданской стороне по 1 FRF [0,15 Евро] в качестве возмещения ущерба и законных интересов, а издательский дом был признан стороной, несущей гражданскую ответственность.

Истцы подали апелляционную жалобу. В обосновании своего обжалования, они, в частности, указывали что предписания статьи 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года противоречили и не являлись совместимыми с положениями статьей 9 § 1, 10 и 14 Конвенции, так как они защищали, дискриминационным образом, принадлежность именно к определенной религии, а не к невежественной идеологии. Таким образом, данные предписания, создавали две категории мнений, защищенные различным образом, и устанавливали дискриминацию в пользу определенной категории лиц. Следовательно, любого судью, которого подозревали в таковой причастности, следовало отозвать на основании отсутствия беспристрастности. Истцы также утверждали что во вменяемом им правонарушении отсутствовал состав преступления.

Постановлением от 31 января 2002 года Апелляционная Палата Парижа объявила истцов, соответственно, администратора издательского дома и писателя, виновными по всем вменяемым им отрывкам работы, в качестве автора и сообщника правонарушения, состоявшего в провоцировании ненависти и насилия по отношению к определенной группе лиц, приговорив каждого к оплате штрафа в размере 7 500 Евро. Апелляционный Суд также присудил 1 Евро для «LICRA» и 0,15 Евро для «MRAP» в качестве возмещения ущерба и законных интересов.

В своем постановлении, апелляционная инстанция заключила, что положения статьи 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года не противоречили принципам, освященным положениями статьей 9 § 1, 10 и 14 Конвенции. Судебная инстанция, после рассмотрения различных вменяемым истцам отрывков, констатировала что данное правонарушение отнюдь не было лишено состава. В первую очередь инстанция отметила, что:

« (...) во всех указанных отрывках, автор, с одной стороны, метит, в североафриканских иммигрантов, исповедующих мусульманство, а с другой стороны, в иммигрантов, выходцев из субтропической Африки; что речь идет, в первом случае, о группах лиц, рассматриваемых с точки зрения их происхождения и принадлежности к определенной религии, а во втором случае, с точки зрения происхождения и непринадлежности к белой расе, составляя, таким образом, определенную группу лиц, что подпадает под действие предписаний статьи 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года»;

Истцы подали кассационную жалобу, в обосновании которой они ссылались на неприменение предписаний статьей 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года, из-за своего дискриминационного характера. Они утверждали, что было допущено нарушение предписаний статьей 6 § 1, 9, 10 и 14 Конвенции.

19 ноября 2002 года Кассационный Суд отклонил поданную истцами кассационную жалобу, постановив что используемые ими средства, состояли в повторении аргументов, в их недостаточности, а также противоречивости, что по праву было отмечено Апелляционной Палатой при их отклонении, и, соответственно, их нельзя принимать во внимание.

Предполагаемое нарушение норм статьи 10 Конвенции

Суд считает что данный приговор является «вмешательством» в исполнение истцами права на свободу выражения своего мнения. Такое вмешательство противоречит предписаниям статьи 10, за исключением случая, когда таковое «предусмотрено законом», и направленно на достижение одной или нескольких законных целей в смысле предписаний параграфа 2, являясь «необходимым» в демократичном обществе ввиду достижения указанных целей (см., помимо многих прочих, дело «*Фрессо и Руар против Франции*» [GC], № 29183/95, § 41, ЕСПЧ 1999-I).

Суд констатирует что внутренние судебные органы, при вынесении своих решений, основывались на предписаниях статьей 23 и 24 абзаца 6 Закона от 29 июля 1881 года о свободе прессы. Следовательно, данное вмешательство было четко «предусмотрено законом».

Суд считает что данное вмешательство преследовало цель обеспечения защиты репутации и прав иных лиц.

Соответственно, Суду предстоит установить, являлось ли данное вмешательство «необходимым» в демократичном обществе ввиду достижения указанных целей.

а) Общие принципы

Требование быть «необходимым в демократичном обществе», означает что Суд должен установить, являлось ли данное вмешательство следствием «императивной социальной необходимости». Государства-члены Конвенции обладают определенной свободой при определении существования таковой необходимости, однако она подлежит контролю со стороны Европейского Суда по Правам Человека касательно как закона, так и решений о применении такового, даже если эти решения были приняты независимыми судебными органами. Следовательно, Суд обладает компетенцией постановить, в последней инстанции, о том, соответствовало ли такое «вмешательство» нормам статьи 10 Конвенции, защищающим права на выражение своего мнения (см., помимо многих прочих, выше процитированное дело *«Леиде и Изорни против Франции»*, стр. 2885, § 51; *«Ассоциация «Экин» против Франции»*, № 39288/98, § 56, ЕСПЧ 2001-VIII; *«Перна против Италии»* [GC], № 48898/99, § 39, ЕСПЧ 2003-V).

Пользуясь своим правом контроля, Суд не преследует цель заменить собой внутренние судебные органы, а проверить, с точки зрения предписаний статьи 10, принятые ими решения, в силу предоставленного им права оценивания (см., дело *«Фрессо и Руар»* выше процитированное, § 45). Соответственно, Суд не может ограничиваться установлением факта, воспользовалась ли Франция своим правом без злого умысла, разумно и с должной предусмотрительностью; Суд рассмотрит данное вмешательство в свете всех обстоятельств дела, включительно и вменяемым истцам высказываний, а, равно как и самого контекста в котором они были сделаны (см. дело *«Ньюз Верлагс GmbH & CoKG против Австрии»*, № 31457/96, § 52, ЕСПЧ 2000-I). В частности, Суд должен будет определить, являлись ли мотивы, на которые ссылались внутренние органы правосудия ввиду оправдания своего вмешательства «относимыми и достаточными», а также являлось ли примененное наказание «пропорциональным по отношению к преследуемым законным целям» (см. дело *«Шови и другие против Франции»*, № 64915/01, § 70, ЕСПЧ 2004-VI). При этом Суд должен убедиться что национальные власти, основываясь на допустимом оценивании соответствующих фактов, применили правила согласно принципам, освященным в статье 10 (см., помимо многих прочих, дело *«Зана против Турции»*, постановление от 25 ноября 1997 года, *Сборник 1997-VII*, стр. 2547-2548, § 51; ранее процитированное дело *«Леиде и Изорни»*, стр. 2885, § 51).

Также следует отметить что право на выражение своего мнения является основополагающим для демократичного общества, отличающегося плюрализмом, терпимостью и наличием духа открытий (дело *«Хэндисайд против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии»*, ранее процитированное, § 49). Суд еще раз напоминает о ключевом значении права на свободу выражения своего мнения, являющегося одним из предварительных условий функционирования демократии (см. дело *«Озгюр Гюндем против Турции»*, № 23144/93, § 43, ЕСПЧ 2000-III). Данное утверждение о социальной функции права на свободное выражение своего мнения является квинт - эссенцией юриспруденции Суда по статье 10.

Наконец, Суд, в частности, отмечает что, за исключением положений параграфа 2 статьи 10, право на свободное выражение своего мнения, относится не только к благосклонно принимаемой «информации» или «идеям», считающимися неопасными или безразличными, а также к тем, что поражают, шокируют или же провоцируют беспокойство. В смысле норм статьи 10, право на свободное выражение своего мнения имеет также несколько исключений, касающихся их узкого толкования; а необходимость ограничения такового должна быть установлена самым убедительным образом (см., в частности, постановления, принятые по ранее процитированным делам *«Хэндисайд»*, стр. 23, § 49; *«Лингенс»*, стр. 26, § 41;

«Джерсилд против Дании» от 23 сентября 1994 года, серия А № 298, стр. 26, § 37; «Пьермон против Франции» от 27 апреля 1995 года, серия А № 314, стр. 26, § 76; дело «Леиде и Изорни», стр. 2887, § 55; «Фрессо и Руар», выше процитированное, § 45).

в) Применение норм Конвенции в данном случае

Прежде всего, Суд отмечает что вопросы, которые поднимались в указанной работе, представляли интерес для общественности: это были проблемы, связанные с установлением и интеграцией иммигрантов в странах их проживания, вопросы, которые в настоящее время широко обсуждаются в европейских странах, как на политическом уровне, так и в средствах массовой информации.

Данное заключение, в частности, относится и к Франции, которая на протяжении долгих лет принимала большое количество иностранцев, и которая должна была создать соответствующие структуры для принятия иммигрантов, а, равно как и разработать политику, направленную на их интеграцию. Все-таки, данная интеграция может являться только результатом долгого и трудоемкого процесса, связанного с ошибками и трудностями применения, а часть этого населения должна быть ограничена. Также поднимаются вопросы, связанные с непониманием или ошибочным пониманием данного феномена, которые, в самом худшем случае, проявились яркими стычками между правоохранительными органами и радикально настроенными представителями данного населения.

Проблемы, которые придется решать странам в ходе применения своих политик по иммиграции и интегрированию различны, в зависимости от ситуации и конкретной страны. Также следует упомянуть о влиянии, оказываемом данной политикой не только на иммигрантов, но и на коренное население, а, равно как и на взаимоотношения, которые возникают между этими группами населения, что может зависеть от ряда исторических, демографических и культурных факторов. Масштаб данных проблем и наиболее часто используемый метод решения самых актуальных из них, свидетельствуют о позиции, принятой национальными властями, которые обладают глубокими знаниями касательно создавшейся в их стране ситуации. Соответственно, данные власти должны располагать определенной свободой оценивания, являющейся достаточно широкой, для того чтобы определить существование или размер необходимости такового вмешательства.

Указанная работа была опубликована в специфическом для Франции контексте. Написанная журналистом и нанятым писателем, она имеет форму эссе, в котором обсуждаются важные социологические вопросы. Текст легко читается, авторы использовали знакомую читателям печатной прессы терминологию, а сама книга адресована широкому кругу читателей. Содержание книги задумано согласно классической схеме, с анализом ситуации, предложениями по выходу из создавшейся ситуации, и возможными эффектами таковых, и, наконец, прогнозом на будущее.

Автор высказывает то, что он считает плохим в феномене миграции из неевропейских стран, в общем, и мусульманских стран в частности в Европу. Он пытается доказать что именно Ислам предпринимает попытки насильственного завоевания Франции и Европы и что «юношеская» преступность является всего лишь проявлением начала этнической гражданской войны по завоеванию территорий. Европа падет под хаосом, могущим уничтожить ее цивилизацию, и это будет гораздо более серьезным событием, чем все войны и эпидемии чумы, которые знавал в свое время Старый Свет. Автор изобличает несознательность Европы и утопию много этнического и объединенного общества.

Суд отмечает что ряд отрывков из данной работы создают отрицательную картину указанных сообществ. Стиль автора иногда полемичен, а, рассказывая об эффектах иммиграции, он описывает их как сплошь и рядом как катастрофические.

Суд напоминает о первоочередной важности ведения борьбы против расовой дискриминации в любой форме проявления (см., дело *«Джерсилд против Дании»* от 23 сентября 1994 года, серия А № 298, § 30). Этому посвящен целый ряд международных инструментов помимо самой Конвенции, таких как, на пример, предписания статьи 20-2 Пакта ООН о гражданских и политических правах или Основная Рекомендация № 15-42 Комитета по борьбе с расовой дискриминацией, согласно которой, «запрет на распространение любой идеи, основанной на расовом преимуществе или ненависти совместим с правом на свободу выражения своего мнения (...)». Наконец, статья 4 Конвенции ООН о борьбе с любыми формами расовой дискриминации обязывает страны-члены Конвенции осуждать любые акты расизма, распространение идей, основанных на расовом превосходстве и ненависти, расистскую пропаганду и расистские организации.

Для того чтобы вынести истцам обвинительный приговор, Апелляционная Палата подчеркнула что использованные в книге выражения преследовали цель спровоцировать у читателей чувство отвращения и антагонизма, что достигалось при помощи займа военных терминов при описании указанных сообществ, о которых говорилось что они являлись главным противником коренного населения, таким образом, подготавливая читателей разделить предлагаемое автором решение, то есть, ведению войны с целью обратного этнического завоевания. Апелляционная Палата, при обосновании своего решения, специально упомянула отрывки из указанной работы, на которых она основывала свои выводы, в частности, сделанное автором утверждение, согласно которому «проблему удастся решить, только если разразится этническая гражданская война», утверждении, основанном «на предвиденном расширении масштабов преступности и территориальных войн этнических формирований». Апелляционная Палата также отметила, что автор книги обличал, основываясь на различных фактах, то, что молодежь из пригородов, выходцы из североафриканских и мусульманских народов, практиковали «ритуальные изнасилования» молодых девушек, принадлежащих к белой расе, из-за расистских анти-Европейских побуждений.

Исходя из вышесказанного, Суд считает что мотивы, на которые ссылалась Апелляционная Палата в обосновании своего решения, являются достаточными и относимыми. Разумеется, право на свободу выражения своего мнения нашло свое должное отображение в Законе от 29 июля 1881 года и в применении такового внутренними судебными органами. Суд, рассмотрев обстоятельства данного дела, считает что национальные судебные органы не преступили границы своего права на оценивание.

Наконец, касательно примененных по отношению к истцам наказаний, Суд напоминает о том, что сама природа и тяжесть таковых также являются теми элементами, которые следует учитывать при оценивании пропорциональности вмешательства (см. дело *«Сюрек против Турции»* (№ 1), постановление от 8 июля 1999 года, *Сборник 1999-IV*, § 64).

А суммы назначенного истцам штрафа, в размере 7 500 Евро для каждого из них, кажутся завышенными в сравнении с обстоятельствами данного дела. Однако, не смотря на это, истцы, в принципе, могли подвергнуться и тюремному заключению.

Учитывая все вышесказанное, мотивы, на которые ссылались внутренние судебные органы для обоснования вынесенного истцам приговора, являются убедительными для Суда в виду того, что вмешательство в исполнение истцами прав на свободу выражения своего мнения являлось «необходимым в демократичном обществе».

Суд постановил что положения статьи 10 не были нарушены.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу
ДЕЛО «ШМИДТ против АВСТРИИ»
(SCHMIDT v. AUSTRIA)

(Жалоба № 513/05)

17июля 2008 г.

Заявитель, проживающий в Вене, работает адвокатом.

Заявитель представлял интересы коммерческого менеджера в рамках административного судопроизводства в Муниципальном Офисе Айзенштадт (Eisenstadt), обвиняемого в предполагаемом нарушении Постановления о маркировке замороженной пищевой продукции (*Tiefkühlkostkennzeichnungsverordnung* – «ПМЗПП»). Обвинения были выдвинуты Венским агентством по инспекции пищевой продукции (*Lebensmitteluntersuchungsanstalt*) в отношении двух проб мяса индейки. 13 марта 1996 г. заявитель сделал следующее замечание:

“Учитывая, что на отобранные пробы не была нанесена маркировка замороженной пищевой продукции (несмотря на попытку обмануть моего клиента (*Schummelversuch*) и экспертное мнение, обосновывающее обвинение), то положения Раздела 1 § 1 (1) ПМЗПП на них не распространяются».

11 июня 1996 г. Венский Муниципальный Офис потребовал, чтобы Венская Ассоциация Адвокатов начала судебное разбирательство против заявителя, утверждая, что его серьезные и безосновательные заявления очернили репутацию Венского агентства по инспекции пищевой продукции и несовместимы с профессиональными обязанностями адвоката.

Впоследствии, 26 июня 1996 г., Венская Ассоциация Адвокатов начала дисциплинарное разбирательство против заявителя.

3 июля 1997 г. заявитель подал замечания, утверждая, что Венское агентство по инспекции пищевой продукции повторно применило экстенсивное толкование спорных положений. Заявляя, что данное агентство пыталось обмануть его клиента, он, всего лишь, хотел выразить свои сомнения по поводу экспертного заключения агентства, несмотря на то, что возможно существовало достаточно оснований для начала судебного разбирательства по поводу превышения полномочий.

Решением от 24 марта 1999 г., Дисциплинарный совет (*Disziplinarrat*) Венской Ассоциации Адвокатов прекратил разбирательства. Совет постановил, что, несмотря на то, что утверждение заявителя, возможно, посягнуло на честь и репутацию профессии, оно характеризуется малой степенью вины, так как было сделано в обстановке жаркого обмена репликами между ним и агентством.

7 сентября 1999 г. прокурор Ассоциации адвокатов (*Kammeranwalt*) обжаловал решение Совета. Он заявил, что выражение «попытка обмануть моего клиента», использованное заявителем, намекает на то, что агентство действовало обманным путем.

Затем, 16 сентября 1999 г., заявитель подал замечания, в которых повторил свои доводы, в частности, что его высказывания не должны восприниматься буквально. Он прибегнул к инсинуации, намекая на якобы незаконные действия Венского агентства по инспекции пищевой продукции. Он, также, заявил, что агентство использовало свое положение для достижения своих целей в области политики по инспекции пищевой продукции.

14 февраля 2000 г., Апелляционная комиссия (*Oberste Berufungs- und Disziplinarkommission*) удовлетворила апелляционную жалобу прокурора. Она аннулировала решение от 24 марта 1999 г. и вернуло дело Дисциплинарному совету.

После устного слушания, на котором присутствовал заявитель, Дисциплинарный совет, 6 сентября 2000 г., признал заявителя виновным в соответствии с Разделом 9 Закона об адвокатуре (*Rechtsanwaltsordnung*), и на основании Раздела 16 Дисциплинарного кодекса, объявил письменный выговор. Более того, Совет обязал заявителя выплатить расходы по судопроизводству.

Дисциплинарный Совет решил, что заявитель использовал дискредитирующее и унижительное выражение. В соответствии с Разделом 9 Закона об адвокатуре, адвокат, при защите интересов своего клиента, вправе реагировать на обнаруженную неправильность любого официального документа надлежащим образом. Утверждение заявителя перешло границы допустимого поведения. В своих замечаниях он не смог привести какие-либо факты или обстоятельства, которые бы оправдали использование выражения «попытка обмануть моего клиента». Заявитель мог начать судебное разбирательство по факту превышения полномочий (*Amtsmißbrauch*), если бы существовали основания для такого подозрения. В заключении, Дисциплинарный Совет признал заявителя виновным в посягательстве на честь и репутацию профессии.

15 декабря 2000 г., заявитель обжаловал данное решение и 17 января 2001 г. прокурор Ассоциации адвокатов подал ответные замечания.

После еще одного устного слушания, 7 мая 2001 г., Апелляционная комиссия отклонила жалобу заявителя. Она подтвердила, что заявитель переступил границы, предусмотренные Разделом 9 Закона об адвокатуре. Оспоренное заявление носило дискредитирующий характер и оскорбило сотрудников Венского агентства по инспекции пищевой продукции. Учитывая, что данное утверждение было письменным, оно было хорошо обдуманно. Поэтому, нельзя сказать, что действия заявителя характеризуются малой степенью вины.

2 августа 2001 г., заявитель подал жалобу в Конституционный Суд (*Verfassungsgerichtshof*). Он пожаловался, между прочим, на нарушение статьи 10 Конвенции, утверждая, что обвинения Венского агентства по инспекции пищевой продукции, выдвинутые против его клиента, были реально несправедливыми. Используя оспоренное выражение, он, всего лишь, пытался подчеркнуть свой довод.

Решением от 21 июня 2004 г., Конституционный Суд отклонил жалобу заявителя. Суд постановил, что обжалованное вмешательство преследовало цель поддержания авторитета и непредвзятости судебной системы, и что дисциплинарные органы, должным образом, сбалансировали права заявителя, предусмотренные Конвенцией, и обязательство следовать установленным профессиональным стандартам. Они привели достаточные доводы в пользу отсутствия факта нарушения права заявителя на свободу выражения. Решение было вручено заявителю 23 июля 2004 г.

Оценка обстоятельств Судом

Неоспорим тот факт, что дисциплинарное разбирательство, завершившееся письменным выговором, вмешалось в право заявителя на свободу выражения. Неоспоримо, также, что вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель, в частности, защиту репутации других лиц. Суду не нужно решать, если оно преследовало цель поддержания авторитета и непредвзятости судебной системы.

Показания сторон были сосредоточены на необходимости во вмешательстве. Суд подчеркивает, что, в то время как адвокаты вправе открыто высказывать комментарии по осуществлению правосудия, их критика не должна переходить определенные границы. В этой связи, следует принять во внимание необходимость правильно сбалансировать различные вовлеченные интересы, включающие право граждан на получение информации о вопросах, вытекающих из деятельности судебной системы, требования к надлежащему осуществлению правосудия и честь профессии адвоката. Национальные власти располагают определенной свободой усмотрения при оценке необходимости во вмешательстве. Однако данная свобода подлежит европейскому надзору, применяющемуся, также, в отношении правил и решений, которые их приводят в действие (см. дело *Никула против Финляндии (Nikula v. Finland)*, № 31611/96, § 46, ЕСПЧ 2002-II, и дело *Шопфер против Швейцарии (Schöpfer v. Switzerland)*, решение от 20 мая 1998 г., *Обзор решений и постановлений* 1998-III, стр.1053-54, § 33). Однако в данном деле отсутствуют конкретные обстоятельства – такие как четкое отсутствие взаимопонимания среди стран-членов в связи с рассматриваемыми принципами либо необходимость отдать должное разнообразию моральных концепций – которые бы обосновали предоставление национальным властям широкой свободы усмотрения.

В рамках своей надзорной юрисдикции, Суд должен рассматривать оспоренное вмешательство в свете дела в целом, включая содержание замечаний заявителя и контекст, в котором они были сделаны. В частности, Суд должен определить, если данное вмешательство было «пропорционально преследуемым законным целям» и если причины, приведенные национальными властями для его обоснования, являются «существенными и достаточными» (см. дело *Никула*, упомянутое выше, § 44).

В данном деле, заявитель представлял интересы клиента в рамках административного судопроизводства, обвиняемого в предполагаемом нарушении Постановления о маркировке замороженной пищевой продукции. В своих письменных замечаниях, подготовленных для судебного разбирательства, заявитель обвинил Венское агентство по инспекции замороженной продукции в попытке обмануть его клиента. Следовательно, учитывая обстоятельства данного дела, необходимость в защите репутации Венского агентства по инспекции замороженной продукции не подлежит сравнению со свободой прессы либо заинтересованностью в открытом обсуждении вопросов общественной важности (см., *mutatis mutandis*, дело *Никула*, упомянутое выше, § 48).

Суд принял во внимание, что в рамках административных разбирательств такого характера, Венское агентство по инспекции пищевой продукции выполняет функцию, сравнимую с функцией прокурора в рамках уголовного преследования. Оно выдвигает обвинение на основании экспертной оценки. В этой связи, Суд приводит в качестве примера свое прецедентное право, согласно которому повышенная защита предоставляется в случае заявлений, посредством которых обвиняемый критикует прокурора, в отличие от устных высказываний в адрес судьи либо суда, в целом (см. дело *Никула*, упомянутое выше, § 50).

Суд отмечает, что оспоренное заявление не является личным оскорблением (см., для сравнения, дело *В.Р. против Австрии (W.R. v. Austria)*, № 26602/95, Решение Комиссии от 30 июня 1997 г., и дело *Малер против Германии (Mahler v. Germany)*, № 29045/95, Решение Комиссии от 14 января 1998 г.), а было направлено против действий Венского агентства по инспекции пищевой продукции в рамках разбирательств.

Национальные власти придали значение факту, что заявитель не смог сослаться на какие-либо факты либо обстоятельства, которые бы обосновали использование оспоренного выражения (см. пункт 14 выше). По мнению Суда, в данном деле это решающий фактор: утверждения заявителя, на самом деле, не поддерживались никакими фактами. Заявление не сопровождалось объяснением причины, по которой заявитель считал, что Венское агентство по инспекции пищевой продукции действовало ненадлежащим образом при выдвижении обвинений против его клиента.

В конечном итоге, Суд считает, что, в отличие от дела *Никула* (упомянутого выше, § 55), в основе жалобы лежал не приговор, а дисциплинарная санкция. Суд подчеркивает, что особое положение, занимаемое адвокатами в качестве посредников между обществом и судами, объясняет обычные ограничения, применяемые к поведению членов коллегии адвокатов. Учитывая ключевую роль адвокатов, логично ожидать от них содействия надлежащему осуществлению правосудия и, следовательно, поддержанию общественного доверия правосудию (см. дело *Никула*, упомянутое выше, § 45, и дело *Шонфер*, упомянутое выше, стр. 1052-53, §§ 29-30).

Что касается пропорциональности наказания, Суд отмечает, что была применена наиболее мягкая санкция, предусмотренная Разделом 16 (1) Дисциплинарного Кодекса, в частности, письменный выговор.

В итоге, Суд считает, что национальные органы привели существенные и достаточные доводы в пользу их решения. Они не превысили предоставленную им свободу усмотрения при объявлении выговора заявителю.

Учитывая вышеизложенное, нарушения статьи 10 Конвенции не имело места.

ОБЩЕЕ ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РОЗАКИС (ROZAKIS), ВАЖИЧ (VAJIC) И ШПИЛЬМАН (SPIELMANN)

Нам не понятно решение, принятое большинством, согласно которому, положения статьи 10 не были нарушены.

Суд основывается на том, что является решающим фактором в данном деле, в частности, что утверждения заявителя не были подтверждены фактами, и что заявление не сопровождалось объяснением причины, по которой заявитель считал, что Венское агентство по инспекции пищевой продукции действовало ненадлежащим образом при выдвижении обвинений против его клиента. По нашему мнению, это не проблема. В своих письменных замечаниях, заявитель, являющийся адвокатом, прокомментировал следующим образом обвинения, выдвинутые Венским агентством по инспекции пищевой продукции:

«Учитывая, что на отобранные пробы не была нанесена маркировка замороженной пищевой продукции (несмотря на попытку обмануть моего клиента (*Schummelversuch*) и экспертное мнение, обосновывающее обвинение), то положения Раздела 1 § 1 (1) ПМЗПП на них не распространяются».

Это заявление было допустимым для практикующего адвоката, комментирующего экспертное мнение, обосновывающее обвинение. Заявление адвоката было сделано в рамках письменных замечаний, представленных Муниципальному Офису Айзенштадт.

Как видно из прецедентного права, Суд всегда весьма неохотно признавал вмешательство в свободу выражения мнения адвокатов, несмотря на то, что Суд признает, что благодаря их особому статусу и центральной позиции в осуществлении правосудия, а именно, посредников между обществом и судами, ограничения на поведение членов адвокатской коллегии могут быть обоснованны. Суд, также, отметил, что статья 10 защищает не только содержание выраженных идей и информации, но и форму их выражения. Сочетание этих принципов означает, что, в то время как адвокаты вправе открыто комментировать осуществление правосудия, их критика не должна переходить определенные границы. В этой связи,

следует принять во внимание необходимость правильно сбалансировать различные вовлеченные интересы, включающие право граждан на получение информации о вопросах, вытекающих из деятельности судебной системы, требования к надлежащему осуществлению правосудия и честь профессии адвоката (см. дело *Шопфер против Швейцарии*, решение от 20 мая 1998 г., *Обзор решений и постановлений* 1998-III, стр. 1053-54, § 33, и дело *Никула против Финляндии*, № 31611/96, §§ 45-46, ЕСПЧ 2002-II).

Несмотря на то, что Суд подтвердил в деле *Никула*, что ограничения на поведение адвокатов носят более обязательный характер, в случаях, когда целью является судебная система (дело *Никула*, упомянутое выше, § 50), во многих случаях, Страсбургский суд, однако, признал нарушение статьи 10 (см. дело *В.Р. против Австрии*, № 26602/95, Решение Комиссии от 30 июня 1997 г., в котором адвокат описал мнение судьи «смешным», и дело *Katrami против Греции*, № 19331/05, 6 декабря 2007 г., в котором журналист заявил в статье, что судья по уголовному преследованию «нарушил свою присягу» и назвал его «карагиозис» (§§ 41-42)).

В деле *Амихалакиоаие (Amihalachioaie)* (дело *Амихалакиоаие против Молдовы (Amihalachioaie v. Moldova)*, № 60115/00, ЕСПЧ 2004-III), в котором адвокат был обвинен в критике судебного решения, Суд отметил, что комментарии заявителя относились к вопросу общего интереса и были сделаны в контексте жестких дебатов между адвокатами, и что, несмотря на то, что замечания могли бы рассматриваться как отсутствие уважения к Конституционному Суду после вынесения им решения, таковые не могли считаться серьезными либо оскорбительными по отношению к судьям Конституционного Суда (§§ 35-36, *mutatis mutandis*, дело *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, § 34, 27 мая 2003 г.; дело *Перна против Италии (Perna v. Italy)* [GC], № 48898/99, § 47, ЕСПЧ 2003-V; и дело *Никула*, упомянутое выше, §§ 48 и 52). Суд пришел к заключению, что не было «острой социальной необходимости» в ограничении свободы выражения мнения адвоката, и что национальные власти не привели «существенные и достаточные» причины для обоснования такого ограничения. Ввиду того, что заявитель не перешел границы допустимой критики, предусмотренные статьей 10 Конвенции, вмененное спорное вмешательство не могло рассматриваться как «необходимость в демократическом обществе» (§ 39).

Важность роли адвоката была, еще раз, подчеркнута Судом в деле *Киприаноу (Kyprianou)* (дело *Киприаноу против Кипра (Kyprianou v. Cyprus)* [GC], № 73797/01, ЕСПЧ 2005-...), в котором Суд решил:

“173. Особый статус адвокатов обуславливает их центральное положение в осуществлении правосудия, а именно посредников между обществом и судами. Такое положение объясняет обычные ограничения, применяемые к поведению членов коллегии адвокатов. Учитывая ключевую роль адвокатов, логично ожидать от них содействия надлежащему осуществлению правосудия и, следовательно, поддержанию общественного доверия правосудию (см. дело *Амихалакиоаие против Молдовы*, № 60115/00, § 27, ЕСПЧ 2004-III; дело *Никула против Финляндии*, упомянутое выше, § 45; и дело *Шопфер против Швейцарии*, упомянутое выше, стр. 1052-53, §§ 29-30, с последующими ссылками).

174. Статья 10 защищает не только содержание выраженных идей и информации, но и форму их выражения. В то время как адвокаты вправе открыто комментировать осуществление правосудия, их критика не должна превышать определенные границы. Более того, свобода выражения мнений адвоката в зале заседаний не безгранична и определенные интересы, такие как авторитет судебной власти, достаточно важны для обоснования ограничений на данное право. Несмотря на это, если даже, в принципе, назначение наказания является прерогативой национальных судов, Суд ссылается на свое прецедентное право, в том смысле, что только при исключительных обстоятельствах это ограничение - даже в виде мягкого приговора - свободы выражения мнения адвоката может быть признано в качестве необходимости в демократическом обществе (см. дело *Nikula против Финляндии*, упомянутое выше, §§ 54-55).”

Пределы допустимой критики намного шире, когда критика направлена на другие стороны процесса, как это было в деле *Никула* и данном деле. Более того, Суд прояснил, что только при исключительных обстоятельствах это ограничение - даже в виде мягкого приговора - свободы выражения мнения адвоката может быть признано в качестве необходимости в демократичном обществе (дело *Никула*, упомянутое выше, § 55).

В деле *Никула*, связанном с оскорблением прокурора адвокатом, Суд принял во внимание разграничения, проводимые различными договаривающимися государствами, между ролью прокурора как оппонента обвиняемого и ролью судьи, и заявил, что, в сущности, данная разница должна предусматривать повышенную защиту в случае заявлений, посредством которых обвиняемый критикует прокурора, в отличие от устных высказываний в адрес судьи или суда, в целом (§ 50). Критика была направлена против стратегии прокурора, которая, по мнению заявительницы, составляла «манипуляцию ролью...нарушением должностных обязанностей». Несмотря на то, что некоторые термины были неуместными, ее критика строго ограничивалась исполнением обязанностей прокурора Т. в деле против клиента заявительницы, и не была направлена против общих профессиональных либо других качеств Т. В данном контексте, Суд посчитал, что Т. пришлось вынести значительную критику заявительницы, выступавшей в качестве адвоката § 51). Суд отметил, что утверждения заявительницы были ограничены залом заседания, в отличие от критики в адрес судьи или прокурора, высказанной, например, в средствах массовой информации, и что критика заявительницы в адрес прокурора, имея процессуальный характер, не могла рассматриваться как личное оскорбление (§ 52).

В данном деле, равно как и в деле *Никула*, оспоренное выражение «обмануть моего клиента» - было использовано адвокатом в своих замечаниях по отношению к Венскому агентству по инспекции пищевой продукции, стороне в процессе, которая, в административном процессе в Австрии, выполняет функцию, сравнимую с функцией прокурора в обычном уголовном процессе. Однако, в отличие от обстоятельств в деле *Никула*, заявление было сделано в письменном виде, и не было сделано в рамках открытого слушания в зале заседаний либо в средствах массовой информации (дело *Никула*, упомянутое выше, § 52). Таким образом, отрицательное влияние замечания, если таковое имелось, было достаточно ограниченным.

Мы, также, считаем, что Суд неправильно охарактеризовал письменный выговор как мягкую санкцию. Учитывая обстоятельства дела, данная санкция была, явно, несоразмерной. В конечном итоге, дисциплинарная мера против адвоката должна восприниматься очень серьезно, так как таковая обладает потенциальным охлаждающим эффектом. Что же касается дисциплинарного разбирательства, Суд уже решил, что *ex post facto* пересмотр критики, выраженной адвокатом, достаточно сложно согласовать с его обязанностью защищать интересы своего клиента, и имеет «охлаждающий эффект» на профессиональную деятельность (см. дело *Никула*, упомянутое выше, § 54, и дело *Штойр против Голландии (Steur v. the Netherlands)*, № 39657/98, § 44, ЕСПЧ 2003-XI).

По вышеперечисленным причинам, мы считаем, что в данном деле были нарушены положения статьи 10.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу

ДЕЛО «РИОЛО против ИТАЛИИ»

«RIOLO v. ITALY»

(Заявление №. 42211/07)

17 июля 2008 года

Истцом по данному делу проходит г-н Клавдио Риоло, 1951 года рождения, чье место постоянного проживания, однако, не известно.

«Кровавая бойня в Капачи» и преследования предполагаемых авторов преступления

23 мая 1992 года произошел взрыв бомбы в городе Капачи, на Сицилии. В результате взрыва был убит один из магистратов, ведущих борьбу против мафии (г-н Джованни Фальконе), его знакомая и сопровождающая их охрана. Против предполагаемых авторов преступления были предприняты преследования. Среди обвиняемых фигурировал и г-н Сальваторе Сбелья, подозреваемый в закупке для убийц части управляемого на расстоянии взрывчатого устройства для провоцирования взрыва.

Первое предварительное заседание по данному процессу состоялось 19 сентября 1994 года. Интересы г-на Сбелья представлял Франческо Музотто, член адвокатской коллегии из Палермо и председатель администрации провинции Палермо. Во время интервью, данного одному из журналистов ежедневного издания «*La Repubblica*», Музотто заявил, что власти провинции Палермо еще не решили, будут ли они принимать участие в качестве гражданской стороны в уголовной процедуре, предпринятой против предполагаемых убийц г-на Фальконе. Музотто также утверждал, что пришел на предварительное судебное заседание с намерением отказаться от адвокатских полномочий, вверенных ему своим клиентом, так как, в силу должности, которую он занимал, - председателя администрации провинции, он должен был бы воздержаться от исполнения своих адвокатских обязанностей.

Десятью днями позже, 28 сентября 1994 года, прошло новое предварительное слушание по данному делу. Г-н Музотто, который не сложил своих адвокатских полномочий, выступил в защиту г-на Сбелья. В ответ на критику, высказанную в его адрес некоторыми политиками и адвокатом семьи Фальконе, Музотто заявил что «ему нечего сказать». После этого в местных и национальных периодических изданиях возникла полемика.

В феврале 1995 года, власти провинции Палермо заявили, что они будут участвовать в данном процессе в качестве гражданской стороны.

Статья, написанная истцом

Истец, научный работник в области политических наук в университете Палермо, опубликовал в газете «*Narcomafia*» в ноябре 1994 года статью, озаглавленную «Мафия и право. Палермо: провинция против самой себя в процессе по делу Фальконе. Странное дело Музотто и Хайда».

4 апреля 1995 года, Музотто, утверждая, что его оклеветали, подал против истца гражданский иск, требуя от него выплаты законных интересов. Он потребовал присудить ему общую сумму в размере 700 миллионов лир (приблизительно 361 519 Евро).

В мае 1995 года написанная истцом статья была повторно опубликована в газете «*Narcomafia*», равно как и в национальном ежедневном издании «*Il Manifesto*», вышедшего в свет 3 мая 1995 года. Под статьей стояли подписи истца и еще двадцати восьми лиц, среди которых были политики, представители неправительственных организаций, юристы и журналисты.

Решением, принятым 19 марта 2000 года, текст которого был передан в судебную канцелярию 21 ноября 2000 года, Палермский трибунал обязал истца оплатить г-ну Музотто 70 миллионов лир (около 36 151 Евро) в качестве возмещения морального ущерба, а также всю сумму, которую он был должен ему в качестве законных интересов, начиная с ноября 1994. Кроме этого, истец также был приговорен к выплате компенсации (*somma a titolo di riparazione*) в размере 10 миллионов лир (около 5 164 Евро) и возмещению судебных расходов заявителя, что составляло около 6 390 000 лир (приблизительно 3 300 Евро).

Судебная инстанция отметила, что в целях установления, имела ли место клевета или же законное исполнение права журналистов критиковать, следовало учитывать такие составляющие как саму статью, общественный интерес и точное содержание статьи. Исполняя свое право критиковать, журналист подвергается натиску различных мнений, которые не всегда являются объективными, будучи основаны на субъективном толковании фактов.

Все-таки, в данном случае, истец преступил границы своего права, так как предпринял личную атаку против г-на Музотто. Человек, «обладающий средними способностями», читающий данную статью, будет уверен, что заявитель являлся гарантом интересов мафии, завися от них в своей профессиональной и политической деятельности. Эта идея подтвердилась посредством нового опубликования указанной статьи и обсуждением данного вопроса в Парламенте. Правда, истец уточнил, что у него не было намерения «утверждать, что имели место определенного рода предварительные переговоры между лицами, чье мнение не было свободным»; следовательно, нельзя было предполагать, что данная фраза являлась не более чем попыткой избежать последствий других клеветнических заявлений. Соответственно, истец нанес урон репутации, профессиональному и политическому облику и частной жизни г-на Музотто.

Истец подал апелляционную жалобу. Помимо этого, он утверждал что судебная инстанция из Палермо не рассмотрела, являлись ли достоверными факты, упомянутые им в своей статье, а, равно как и не приняла во внимание наличествующий общественный интерес по отношению к данному вопросу, который, в данном случае, должен был преобладать над правом на защиту частной жизни г-на Музотто.

В постановлении, принятом 29 ноября 2002, текст которого был передан в судебную канцелярию 7 апреля 2003, Апелляционная Палата из Палермо постановила оставить в силе решение первой судебной инстанции, и приговорила истца оплатить судебные расходы, что составляло около 3 700 Евро.

Апелляционная Палата отметила что, согласно судебной практике Кассационного Суда, общественный интерес в распространении информации, содержащейся в напечатанной в прессе статье, являлся не более чем одним из элементов, которые следовало принимать во внимание, и именно судьи должны были уделить равное значение как цели, которую преследовало данное издание, так и использованным автором статьи выражениям. Правда, достоверность высказанных мнений не может быть доказана и границы права критиковать являются более широкими в отношении общественных деятелей; однако это не означает что личные выпады, оскорбляющие моральную целостность другого лица, должны считаться клеветой.

В данном случае, ясно, что общественность была заинтересованной в том, чтобы узнать факты, упомянутые в написанной истцом статье, равно как и их политическое и историческое оценивание. Однако некоторые из использованных выражений находились за пределами законной критики ситуации, в которой находился г-н Музотто в ходе уголовной процедуры по расследованию кровавого события, произошедшего в Капачи. То же самое относится и к названию статьи, в котором делалась ссылка на двойственность, с одной стороны, «прозрачности» адвоката Музотто и «чудовищной и негативной личностью» г-на Хайда, с другой стороны. Выражение «неуклюжий соперник» (*goffo emulo*) являлось оскорбительным для репутации г-на Музотто, так как воспринималось в свете обвинений в умалении «серьезности и силы мафии».

Кроме этого, по прочтении всей статьи, читатель приходил к выводу что истец хотел доказать что г-н Музотто нес ответственность за то, что власти провинции Палермо затягивали с принятием решения о вступлении в процесс в качестве гражданской стороны.

Наконец, также следует учитывать и то, что статья, подписанная самим истцом, была опубликована в национальном ежедневном издании («*Il Manifesto*»), причинив, таким образом, еще более существенный вред противоположной стороне.

Истец подал кассационную жалобу.

Постановлением, принятым 30 января 2007 года, текст которого был передан в судебную канцелярию 19 марта 2007 года, Кассационный Суд решил что Апелляционная Палата предоставила логическое и правильное обоснование по всем указанным в иске вопросам, и постановил отклонить апелляционную жалобу истца.

Судебные превратности г-на Музотто

В ноябре 1995 года, г-н Музотто, обвиненный в оказании поддержки мафии извне (*concorso esterno in associazione a delinquere di stampo mafioso*), был арестован. Он был освобожден в марте 1996 года, а его дело было направлено на рассмотрение Палермского трибунала. В 1998 году данная инстанция постановила освободить его.

Это судебное постановление, оставленное в силе после его пересмотра в Апелляционной Палате в 1999 году, стало окончательным в апреле 2001 года. Брат г-на Музотто был приговорен к долгому тюремному сроку.

В июне 2000 года против г-на Музотто была возбуждена новая процедура: его обвиняли в «подкупе» голосов. У нас нет информации чем оно закончилось.

Постановление Суда

а. Общие принципы

Пресса играет важную роль в демократичном обществе: и если ей и не полагается преступать определенные границы, что обусловлено именно необходимостью защиты репутации и прав третьих лиц, то это относится именно к ее обязанности исполнять свои задачи и ответственности сообщать информацию и идеи, касающиеся всех вопросов, представляющих общественный интерес, включительно и судебного характера (см. дело «*Де Хаес и Джижелс против Бельгии*», постановление от 24 февраля 1997, *Сборник судебных постановлений и решений 1997-I*, § 37). Это не единственная функция прессы; сюда также следует относить и право общественности получать такого рода информацию. Если бы дело обстояло иначе, тогда пресса не могла бы исполнять свою неотъемлемую роль «сторожевого пса» (см. дело «*Фергейр Фергейсон против Исландии*», постановление от 25 июня 1992 года, серия А № 239, § 63, и «*Бладет Тромсо и Стенсаас против Норвегии [ГС]*, № 21980/93, § 62, Европейский Суд по Правам Человека (ЕСПЧ) 1999-III). Кроме сущности сообщенной информации и идей, нормы статьи 10 защищают также и сам способ их сообщения («*Обершлик против Австрии*» (№ 1), постановление от 23 мая 1991 года, серия А № 204, § 57). Журналистская свобода также означает и возможность прибегнуть к определенной степени утрирования, даже провокации («*Прагер и Обершлик против Австрии*», постановление от 26 апреля 1995 года, серия А № 313, § 38; «*Тома против Люксембурга*», № 38432/97, §§ 45 и 46, ЕСПЧ 2001-III; и ранее упомянутое дело «*Перна*», § 39).

В том же что касается границ допустимой критики, то они являются более широкими, если дело касается политиков, действующих в качестве общественных деятелей, а не простых граждан. Политический деятель неминуемо и сознательно подвергается внимательному контролю своих действий и жестов, как со стороны журналистов, так и общественности, и должен свидетельствовать о более высоком уровне терпимости, в частности, если речь идет о публичных заявлениях, могущих повлечь критику. Естественно, он имеет право на защиту своей репутации, даже вне рамок своей частной жизни, однако императивные требования данной защиты должны быть сопоставимы с интересом свободного обсуждения политических вопросов, а исключения от права на свободу выражения своего мнения должны толковаться самым ограниченным образом («*Обершилик против Австрии*» (№ 2), постановление от 1 июля 1997 года, *Сборник судебных постановлений и решений* 1997-IV, § 29).

Прилагательное «необходимое», в смысле положений статьи 10 § 2, подразумевает наличие «императивной социальной необходимости». Государствам-членам Конвенции предоставляется определенная свобода при установлении наличия таковой необходимости, однако эта свобода включает в себя также и наличие контроля со стороны Европейского Суда по Правам Человека, как в отношении закона, так и решений о применении такового, даже если эти решения были приняты независимыми судебными органами. Следовательно, Суд обладает компетенцией высказывать свое мнение, в последней инстанции, касательно того, являлось ли таковое «ограничение» совместимым с правом на свободу выражения своего мнения, состоящим под защитой норм статьи 10 («*Джановски против Польши*» [GC], № 25716/94, § 30, ЕСПЧ 1999-I, и «*Ассоциация Экин против Франции*», № 39288/98, § 56, ЕСПЧ 2001-VIII).

При исполнении данного контроля, Суд не преследует цель заменить собой внутренние судебные органы, а проверить, с точки зрения статьи 10, принятые ими решения в границах имеющейся у них свободы оценивания («*Фрессо и Руар против Франции*» [GC], № 29183/95, § 45, ЕСПЧ 1999-I). Однако из этого не следует что Суд должен ограничиваться установлением факта, воспользовалось ли государство, выступающее в Европейском Суде в качестве ответчика, этим правом без злого умысла, с должной предосторожностью и разумным образом; а должен направить свои усилия на рассмотрение данного вмешательства, учитывая все обстоятельства дела, равно как и содержание вменяемых истцу высказываний и контекст, в котором они были сделаны («*Ньюз Верлагс GmbH & Co. KG против Австрии*», № 31457/96, § 52, ЕСПЧ 2000-I).

В частности, Суд должен определить, являлись ли мотивы, на которые ссылались внутренние судебные органы ввиду оправдания своего вмешательства «достаточными и относимыми», а, также, являлось ли примененное по отношению к истцу наказание «пропорциональным по отношению к преследуемым законным целям» («*Шови и другие против Франции*», № 64915/01, § 70, ЕСПЧ 2004-VI). При этом Суд должен убедиться что национальные судебные органы, основываясь на допустимом оценивании относимых фактов, применили правила согласно принципам, освященным положениями статьи 10 Конвенции (см., помимо многих других, дело «*Зана против Турции*», постановление от 25 ноября 1997, *Сборник* 1997-VII, § 51; «*Де Диего Нафрия против Испании*», № 46833/99, § 34, 14 марта 2002; и ранее процитированное дело «*Педерсен и Баадсгаард*», § 70).

В целях оценивания обоснования того или иного оспариваемого заявления, следует провести различие между фактическими заявлениями и оценочными суждениями. Существование фактов можно доказать, а точность оценочных суждений нельзя продемонстрировать (ранее процитированное дело «*Обершилик*» (№ 2, § 33). Определение того или иного заявления в качестве оценочного суждения или фактического заявления, зависит, в первую очередь, от свободы оценивания, которой обладают внутренние судебные органы (дело «*Прагер и Обершилик*», ранее процитированное, § 36). Однако, несмотря на это, даже если сделанное заявление приравнивается к оценочному суждению, то оно должно располагать достаточным фактическим обоснованием, так как даже и оценочное суждение полностью лишенное такового может оказаться чрезмерным («*Иерусалем против Австрии*, № 26958/95, § 43, ЕСПЧ 2001-II).

Что, однако, не умаляет значение того факта, что право журналистов на сообщение информации, представляющей интерес для общественности находится под защитой норм Конвенции, при условии что они (журналисты) действовали без какого-либо злого умысла, основываясь на точных фактах, предоставляя «надежную и точную» информацию, соблюдая принципы журналистской этики (см., например, ранее упомянутые постановления, принятые по делу «*Фрессо и Руар*», § 54, «*Бладет Тромсо и Стенсаас*», § 58, и «*Прагер и Оберлилик*», § 37). В параграфе 2 статьи 10 Конвенции подчеркивается, что исполнение права на свободу выражения своего мнения предполагает также и существование определенных «задач и ответственности», что также касается и средств массовой информации, даже если речь идет о вопросах, представляющих большой общественный интерес. Более того, эти задачи и ответственность могут иметь еще большее значение, в случае если существует риск посягательства на репутацию определенного лица и причинения вреда «правам иным лиц». Таким образом, должны существовать специальные причины, для того чтобы освободить средства массовой информации от их рутинной обязанности подвергать проверке фактически заявления, являющиеся клеветническими в отношении определенных лиц. В данном случае в игру вступают природа и степень клеветы, наличествующие в каждом специфическом случае, равно как и вопрос, насколько средства массовой информации разумно могли считать, что их источники информации являлись надежными касательно этих заявлений (см., помимо прочего, дела «*МакВикар против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии*», № 46311/99, § 84, ЕСПЧ 2002-III, и «*Стандард Верлагсгеселшафт МВН (№ 2) против Австрии*, № 37464/02, § 38, 22 февраля 2007).

Природа и серьезность примененных наказаний являются также элементами, которые следует учитывать при оценивании пропорциональности вмешательства (см., например, дело «*Сейлан против Турции*» [GC], № 23556/94, § 37, ЕСПЧ 1999-IV, и «*Таммер против Эстонии*», № 41205/98, § 69, ЕСПЧ 2001-I). Если государства-члены Конвенции располагают компетенцией, то есть обязанностью, в силу их позитивной ответственности, в смысле соблюдения положений статьи 8 Конвенции, регулировать исполнение права на свободу выражения своего мнения таким образом, чтобы обеспечить на законном уровне адекватную защиту репутации иных лиц, то при этом они должны также избегать создания обескураживающего эффекта для средств массовой информации в ходе исполнения их роли набата для общественности при существовании явных или предполагаемых злоупотреблений со стороны публичных властей (дело «*Кумпэнэ и Мазэре против Румынии*» [GC], № 33348/96, § 113, ЕСПЧ 2004-XI).

β. Применение указанных принципов в данном случае

С самого начала Суд отмечает что истец не занимается журналистской деятельностью на регулярной основе, а является научным сотрудником в области политических наук при Палермском университете. Все-таки, так как он написал статью для последующего опубликования в газете «*Narcomafia*», которая впоследствии была пере-опубликована в национальном ежедневном издании «*Il Manifesto*», то сделанные им заявления, как и в случае любых других лиц, находящихся в подобной ситуации, должны быть приравнены к заявлениям, сделанным журналистами, и при этом истец должен находиться под той же защитой, предоставляемой предписаниями статьи 10 Конвенции.

Более того, Суд отмечает что автор написал данную статью как следствие ситуации, в которой, на момент происхождения событий, находился глава администрации провинции Палермо, г-н Музотто. В то время как обсуждался вопрос, будет ли данная администрация принимать участие в судебной процедуре по расследованию убийства одного из магистратов, г-н Музотто защищал, в качестве адвоката, одного из обвиняемых, проходящих по данному делу. Установление несоответствия между двумя функциями, исполняемыми г-ном Музотто в данном случае не входит в обязанности Суда; также очевидно, что речь идет о ситуации, которая могла бы поставить под сомнение целесообразность ряда решений, принятых высоким представителем администрации провинции касательно процесса, в ходе которого рассматривались весьма важные факты. Помимо этого,

Правительство Италии согласилось с тем, что г-н Музотто находился в «деликатной ситуации, с объективной точки зрения». Таким образом, написанная истцом статья, являлась частью дебатов, касающихся вопроса, представляющего всеобщий интерес.

В пользу этого также свидетельствует и то обстоятельство, что, начиная с сентября 1994 года, двойная функция, исполняемая г-ном Музотто, стала предметом многочисленных информаций в средствах массовой информации. Однако Суд не придерживается того же мнения, что и Правительство Италии, согласно которому существование такой информации предполагало невозможность истца воспользоваться своим правом на информирование общественности. Согласно мнению Суда, наличие широкого обсуждения поднятого истцом вопроса, отнюдь не исключает его возможности принять решение касательно необходимости выразить и сообщить о своей точке зрения по этому вопросу, в целях стимулирования более глубоких размышлений.

Следует отметить что г-н Музотто являлся политическим деятелем, который, на момент происхождения событий, занимал ключевую должность в органах местной администрации. Следовательно, должен был ожидать того, что его действия будут подвержены скрупулезному рассмотрению со стороны прессы. Более того, он знал, или же должен был знать, что если он будет продолжать защищать одного из обвиняемых в рамках важного процесса, касающегося мафии, в котором администрация, главой которой он являлся, могла бы принять решение об участии, то в этом случае он будет подвергнут яркой критике. В то же время, данное обстоятельство не могло лишить г-на Музотто права на презумпцию невиновности и не являться предметом совершенно беспочвенных обвинений.

Суд рассмотрел содержание данной статьи, однако не нашел каких-либо выражений, которые бы открыто говорили о том, что г-н Музотто якобы совершил преступления или же что он защищал интересы мафии. Правда, истец утверждал что «возможно (...) [г-н Музотто] не хотел, или не мог, принять четкую позицию по отношению к обвиняемым в данном процессе, и что, в определенной степени, он был вынужден подвергнуться влиянию данного конфликта экономических и политических интересов, который, по крайней мере, в определенной степени, и явился причиной его избрания на должность председателя администрации провинции с неожиданным количеством голосов». Все-таки, Суд не придерживается мнения, что эти высказывания могут иметь тот смысл, что г-н Музотто якобы добровольно поддерживал связь с мафией. Истец, скорее, выразил мнение, что местный избранник мог бы оказаться под влиянием, по крайней мере, в определенной мере, интересов его избирателей. В данном случае мы имеем дело с мнением, которое не переходит границы права на свободу выражения своего мнения в рамках демократического общества. В данном отношении, Суд отмечает, что истец предусмотрительно уточнил что он не имел намерения утверждать что имели место «определенного рода предварительные переговоры между лицами, чье мнение не было свободным» и что преступные организации могли бы осуществить односторонний контроль над голосами. Таким образом, истец ясно указал читателям что, даже если предположить что г-н Музотто был избран несколькими голосами со стороны мафии, то было совершенно ясно, что это нельзя вменить ему в вину.

Правда, некоторые из использованных истцом высказываний могли бы, на первый взгляд, создать впечатление, что г-н Музотто был поднят на смех. То же самое касается и выражения «неуклюжий местный соперник», а также и сравнения с персонажами романа Стевенсона «Странное дело доктора Джекилла и г-на Хайда». Вместе с тем, Суд напоминает (см. вышеуказанный параграф 55), что журналистская свобода предполагает также и возможность прибегнуть к определенной доле провокации. Кроме этого, в данном случае, использованные истцом ироничные высказывания не превратились в оскорбительные выражения и не могут считаться беспочвенно оскорбительными, так как, фактически, они были связаны с ситуацией, прокомментированной самим истцом.

Суд также отмечает что достоверность основной фактической информации, содержащейся в статье, не оспаривалась. В том же что касается обстоятельства, на которое ссылалось Правительство Италии, что в сентябре 1994 года г-н Музотто отказался от своих полномочий адвоката г-на

Сбелья (см. вышеуказанный параграф 37), Суд отмечает что это противоречит двум публичным заявлениям, сделанным самим г-ном Музотто, датированным, соответственно, 30 сентября и 18 октября 1994 года (вышеуказанный параграф 43). Следовательно, на момент опубликования этой статьи (ноябрь 1994 года), истец, резонно мог предположить что г-н Музотто продолжал занимать «две должности».

В этих условиях, Суд считает что данная статья, хотя и содержит определенную долю провокации, однако ее нельзя считать необоснованной личной атакой против г-на Музотто (см., с соответственными изменениями, дело «Квичен против Польши», № 51744/99, § 54, 9 января 2007, и «Орманни против Италии», № 30278/04, § 73, 17 июля 2007 года), и что использованные истцом выражения имели достаточно тесную связь с указанными фактами (см., с соответствующими изменениями, дело «Фелдек против Словакии», № 29032/95, § 86, ЕСПЧ 2001-VIII). Это освобождает Суд от необходимости рассмотреть, вследствие выдвинутых истцом требований, (см. вышеуказанный параграф 42), подтверждалось ли впоследствии выраженное им мнение судебными превратностями г-на Музотто (см. вышеуказанные параграфы 27-30), а также, могло ли данное обстоятельство иметь отношение к этому делу с точки зрения статьи 10 Конвенции.

Вышеуказанное является достаточным для того, чтобы Суд заключил, что данное вмешательство в права истца на свободу выражения своего мнения не являлось совместимым с нормами Конвенции. В то же время Суд считает что размер морального ущерба и компенсации, которые должен был выплатить истец (составляющих, в общем, приблизительно 41 315 Евро, а также сумму, которую он был должен в качестве законных интересов в размере 36 151 Евро начиная с ноября 1994 года – см. вышеуказанный параграф 14) может навредить правильной уравниваемости данного дела (см., с соответствующими изменениями, дело «Стил и Моррис против Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии», № 68416/01, §§ 96-97, ЕСПЧ 2005-II, и ранее процитированное дело «Орманни», § 76). К этому также следует добавить судебные расходы г-на Музотто, которые, после рассмотрения его дела в первой и второй судебных инстанциях, составляли около 7 000 Евро (см. ранее указанные параграфы 14 и 18). Учитывая финансовую ситуацию истца (см. параграф 49 выше), приговор к оплате этих сумм мог бы произвести на него обескураживающий эффект и предотвратить его желание продолжать информировать общественность об интересующих ее вопросах.

Исходя из вышесказанного, мотивы, на которые ссылались внутренние органы правосудия при вынесении истцу обвинительного приговора, не могут считаться достаточными для того, чтобы убедить Суд в том, что вмешательство в права истца на свободу выражения своего мнения, являлось «необходимым в демократичном обществе»; в частности, использованные средства были непропорциональными по отношению к преследуемой законной цели, а именно, «защите репутации и прав иных лиц».

В заключение, Суд постановляет что данный приговор является нарушением предписаний статьи 10 Конвенции.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу

ДЕЛО «ЙИЛМАЗ И КИЛИЧ *против* ТУРЦИИ»

«YILMAZ and KILIÇ v. TUKEY»

(Заявление № 68514/01)

17 июля 2008

Истцы, г-н Йилмаз и г-н Килич, родились, соответственно, в 1978 и 1977г.г. На момент происхождения событий, они являлись членами партии Хадеп (Партии Народной Демократии), в Шигли (Измир).

16 и 18 ноября 1998 года в Измире прошли две манифестации, участники которых протестовали против ареста в Риме Абдуллаха Очалана, бывшего главы РКК, незаконной вооруженной организации. В этих манифестациях приняло участие большинство членов партии Хадеп. Манифестация, состоявшаяся 16 ноября, не была санкционирована (*korsan miting*), и прошла на футбольном поле в квартале Джюзелтепе. Вторая же манифестация, состоявшаяся 18 ноября, была организована для того, чтобы огласить пресс-сообщение, составленное от имени партии Хадеп, и прошла она в квартале Шигли. В каждой из указанных манифестаций приняло участие тридцать человек.

Г-н Йилмаз был задержан 18 ноября 1998 года, в то время как пытался убежать после окончания манифестации; а г-н Килич был арестован 22 ноября. Оба, начиная с момента их ареста, находились под наблюдением, которое вели за ними агенты антитеррористического отдела Управления Безопасности Измира.

На основании обвинительного акта, подписанного 17 декабря 1998 года, в Суде Государственной Безопасности Измира (СГБИ) была возбуждена уголовная процедура. Дело было рассмотрено двумя судьями, ведшими гражданские дела и одним профессиональным военным судьей, с привлечением к ответственности двадцати восьми лиц, среди которых находились и истцы, подозреваемые в организации манифестаций, состоявшихся 16 и/или 18 ноября 1998 года, а также в участии в них.

Прокурор в своем обвинительном заключении указывал на различные незаконные действия, совершенные вооруженной организацией РКК, среди которых и использование «коктейля Молотова», он также процитировал и методы, используемые данной организацией, а также различными формированиями из состава политической партии Хадеп. В том же что касается истца, г-на Йилмаза, прокурор указал на то, что он в определенное время, без указания точной даты, и без разрешения, он провел заготовку овечьих шкур [после праздника Аид] от имени партии Хадеп.

В том же что касается г-на Килича, прокурор упомянул, что в прошлом он уже был осужден из-за участия в деятельности одного из вооруженных формирований, уточнив, что он исполнил назначенное ему наказание в форме пяти лет тюремного заключения. Относительно данных фактов, прокурор сослался на сделанные истцом и другими обвиняемыми лицами заявления касательно участия истца в манифестации, прошедшей 16 ноября 1998 года. Эти заявления были получены в ходе расследования данного дела.

В ходе слушания, состоявшегося 2 февраля 1999 года, г-н Йилмаз отклонил подписанные им в полиции заявления, в частности, касательно состоявшейся 16 ноября манифестации, участие в которой он отрицал. Помимо этого, он также отрицал и обвинения в оказании поддержки одному из вооруженных формирований, признав свое участие в манифестации, состоявшейся 18 ноября, объяснив, это тем, что он хотел присутствовать при оглашении сообщения для прессы от имени партии Хадеп. Он признался что во время манифестации, состоявшейся 18 ноября 1998 года, он сам скандировал лозунги, такие как, например: «Партия Хадеп не изменит соей позиции вследствие оказываемого давления!» и, в поддержку РКК и Очалана, «Мы с тобой, председатель!».

Что же касается г-на Килича, то он отрицал любое свое участие в манифестации, состоявшейся 16 ноября, в чем, его собственно, и обвиняли.

Истцы, равно как и другие обвиняемые, отрицали содержание заявлений, а также протоколов установления личности, составленных в ходе ведения следствия. Они также отрицали и законность этих актов, которые якобы были составлены в отсутствии адвоката и под давлением.

Высказывая свое мнение касательно сути дела, прокурор упомянул среди доказательств вины истцов то, что они участвовали во внутренних формированиях партии Хадеп в Стамбуле.

В своей защитительной речи от 6 апреля 1999 года, адвокат истцов высказал свое несогласие с использованием законных работ политической партии с тем, чтобы выдвинуть истцам основные обвинения на основании статьи 169 Уголовного кодекса. Он также упомянул что данные формирования стали предметом преследований, которые, в конце концов, были прекращены вследствие принятия соответствующего постановления Судом Государственной Безопасности Стамбула.

Согласно обвинительному приговору от 11 мая 1999 года, СГБИ приговорил истцов к трем годам и девяти месяцам лишения свободы, на основании того, что они оказывали помощь незаконной организации, что являлось преступлением, предусмотренным нормами статьи 169 Уголовного Кодекса и статьи 8 Закона № 3713 о борьбе с терроризмом. Судебная инстанция увеличила наказание, примененное по отношению к г-ну Эрдему на срок до трех лет, шестнадцати месяцев и пятнадцати дней, ссылаясь на рецидив.

Судебная инстанция посчитала доказанным факт оказания помощи одиннадцати из обвиняемых, среди которых находились и истцы, указанной незаконной вооруженной организации РКК, которая в смысле предписаний статьи 169 Уголовного Кодекса являлась вооруженным бандформированием, а также то что действия данных лиц были направлены на то, чтобы все услышали голос этой организации. Согласно высказанному СГБИ мнению, пытаясь выразить публичное одобрительное мнение о главе этой организации, истцы, бесспорно, способствовали ее деятельности. СГБИ процитировал нижеуказанные лозунги, которые якобы скандировали манифестанты: «Зуб за зуб, кровь за кровь, мы с тобой, Очалан, Апо в Риме, Турецкая республика в коме, *Viji* РКК, *Viji* Апо!».

Участие всех обвиняемых в данной манифестации было установлено на основании показаний, очных ставок и идентификации личностей по фотографиям. Под конец процедуры, семь из восемнадцати обвиняемых были оправданы, на основании того, что даже несмотря на то, что их участие в манифестации было установлено, они, все же, не намеревались выразить свой протест против ареста Очалана или же выказать ему свою поддержку.

7 июня 1999 года истцы подали кассационную жалобу против вынесенного им 11 мая 1999 года приговора.

25 января 2000 года Кассационный Суд постановил оставить в силе приговор, принятый первой судебной инстанцией. 29 февраля 2000 года данное постановление было приложено к делу, находящемуся в СГБИ.

Предполагаемое нарушение предписаний статьей 9, 10 и 11 Конвенции

Суд отмечает, что участники процесса не отрицают того, что данное вмешательство было предусмотрено законными положениями и что оно преследовало законную цель, а именно защиту национальной безопасности и общественного порядка, в смысле положений статьи 10 § 2 (см. дело «*Йагмурдерелт против Турции*», № 29590/96, § 40, 4 июня 2002 года). Суд согласен с данным оцениванием. В этом случае, Суду предстоит установить, являлось ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Истцы утверждали, что приговорившие их внутренние судебные органы, вынесли свои решения под влиянием действующих на тот момент политических условий. Они заявили, что подобные манифестации прошли в то же время и в различных других местностях, а некоторые из них имели насильственный характер. Истцы утверждали что их действия ограничивались мирным высказыванием своих мнений касательно одного из злободневных политических вопросов, а они действовали в качестве членов Комиссии по делам молодежи одной из законных партий. В частности, они жаловались на применение к ним наказания, которое они считали непропорциональным по отношению к совершенному ими действию, которое не было квалифицировано ни в качестве акта пропаганды, ни террористического акта.

Правительство утверждает, что в данном случае, речь идет об ярых манифестациях, которые не преследовали цель высказывания определенных идей, а получения поддержки общественности с тем, чтобы, таким образом, способствовать деятельности РКК (более детально смотри наблюдения и выводы Европейского Суда по Правам Человека, вышеуказанные абзацы 48-53).

Суд ранее уже рассматривал подобные вопросы и констатировал нарушение положений статьи 10 Конвенции (см., помимо многих прочих, дело «*Кизилиапрак против Турции*», № 27528/95, § 43, 2 октября 2003 года, дело «*Феридун Йазар против Турции*», № 42713/98, §§ 23-29, 23 сентября 2004 года).

Вследствие рассмотрения Судом данного дела в свете своей судебной практики, Суд заключил что Правительство Турции не предоставило ни одного факта или аргумента, обуславливающего необходимость принятия различного решения по данному делу. Суд придал особое значение тому факту, что речь шла о несанкционированном митинге (для сравнения см. дело «*Ойа Атаман против Турции*», № 74552/01, § 39, Европейский Суд по Правам Человека 2006-...; равно как и фактам, изложенным выше в параграфе 18, об оправдании некоторых из обвиняемых, принявших участие в тех же манифестациях), а, также, в целом, лозунгам, процитированным в обвинительном приговоре, обоснованию приговора, равным образом оценив саму природу и тяжесть примененного по отношению к истцам наказания. При рассмотрении данного дела Суд также учел и его обстоятельства, в частности, сложности, связанные с ведением борьбы против терроризма (см. ранее процитированное дело «*Ибрагим Аксой*», § 60, и «*Инкал против Турции*», судебное постановление от 9 июня 1998 года, *Сборник судебных постановлений и решений 1998-IV*, стр. 1568, § 58).

Суд отмечает что в течение указанного периода в Турции прошли многочисленные манифестации, участники которых выражали свой протест против ареста Очалана, а некоторые из них могли бы перейти в акты насилия. Помимо этого, Суд отмечает отсутствие подобных действий в данных манифестациях, за исключением попытки «разжечь страсти» (указанные выше абзацы 50-51), в которой, однако истцы не принимали участия.

Не смотря на это, Суд отмечает, что в ходе указанных манифестаций, некоторые из скандированных манифестантами лозунгов имели особо ярую коннотацию (см. вышеуказанный параграф 17). Суд однако, отмечает что, согласно документам дела, не было установлено, скандировали ли истцы данные лозунги.

Следовательно, даже если можно было бы оправдать вмешательство национальных властей в права истцов на свободу выражения своего мнения озабоченностью по обеспечению общественного порядка, а именно в связи с особо напряженной политической ситуацией, преобладающей в стране на момент происхождения событий, то примененные по отношению к истцам наказания, в частности, в виде почти четырех лет лишения свободы (см. вышеуказанный параграф 16), безусловно, являлись непропорциональными, по самой своей природе и тяжести, в сравнении с преследуемой законной целью.

Суд считает что внутренние судебные органы, в данном случае, перешли рамки «необходимого» ограничения прав истцов на свободу выражения своего мнения.

Следовательно, было допущено нарушение предписаний статьи 10 Конвенции.

РЕШЕНИЕ СУДА принятое по делу

ДЕЛО «FLUX» против РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (№ 6)

«FLUX v. MOLDOVA (nr. 6)»

(Заявление № 22824/04)

29 июля 2008 года

29 июля 2008 года Европейский Суд по Правам Человека огласил решение, принятое по делу *«Flux (№ 6) против Республики Молдова»* (заявление № 22824/04).

4 февраля 2003 года указанная газета опубликовала статью о лице «Spiru Haret». Автор статьи не основывался на информации, полученной вследствие проведения расследований репортерами газеты, а всего лишь ограничился цитированием содержания анонимного письма, направленного в адрес редакции от группы родителей учащихся указанного лица. В письме критиковалась создавшаяся в школе ситуация, в частности, переполненность классов и отсутствие соответствующих учебных условий. Авторы письма утверждали что директор школы использовал школьные фонды в нерациональных целях, тратя деньги на благоустройство своего кабинета и строительство отдельного туалета для себя, а также на школьную газету, в которой публиковались только статьи о любовных взаимоотношениях и сексе. Также говорилось о том, что директор школы брал взятки в размере 200-500 американских долларов за то, чтобы зачислить детей в школу и то, что авторы письма боялись назвать свое имя, опасаясь расправы над их детьми. В один из дней (дата не указывается), директор и редакционная коллегия школьной газеты потребовали чтобы газета *«Flux»* опубликовала возражение в ответ на статью, вышедшую в свет 4 февраля 2003 года; однако их требование было отклонено. В конце концов, они добились того, что их ответная реакция была опубликована в газете *«Jurnal de Chisinău»*. Они высказали свое неудовольствие тем, что газета *«Flux»*, перед тем как опубликовать данную статью, не обратилась к ним, чтобы узнать также и их мнение касательно выдвинутых в их адрес обвинений, содержащихся в указанном анонимном письме, указав также что газета *«Flux»* действовала вопреки принципам журналистской этики. Согласно их мнению, тот факт, что газета *«Flux»* опубликовала содержание анонимного письма без того, чтобы автор статьи хотя бы посетил школу или провел какие-либо расследования, говорило о том, что газета, таким образом, преследовала исключительно цель создания ажиотажа и сенсации. Директор школы признал, что классы переполнены, однако это было результатом популярности лица. Если бы журналисты газеты *«Flux»* посетили бы школу, то они бы увидели что не только кабинет директора был обустроен, но также и многие другие части школы. Что же касается обвинения во взяточничестве, то это являлось весьма серьезным утверждением и для его опубликования требовалось наличие доказательств. Редакционная коллегия школьной газеты подчеркнула что в анонимном письме читателям представлялась искаженная информация, так как цитировались только статьи определенного рода, не упоминая о многих других статьях, в которых рассказывалось о спорте, а также культурных и школьных событиях.

14 февраля 2003 года газета «*Flux*» опубликовала новую статью в качестве ответной реакции на материал, опубликованный в газете «*Jurnal de Chisinău*».

В один из дней (точное число не указывается), директор школы подал гражданский иск, обвинив указанную газету в клевете, утверждая что многие из ранее опубликованных утверждений являлись клеветническими по отношению к нему.

В ходе гражданской процедуры, газета «*Flux*» вызвала трех свидетелей, включительно В.Л., который подтвердил то, что за то, чтобы зачислить детей на учебу в лицей «*Spiru Haret*» брались взятки.

18 сентября 2003 года суд сектора Буюканы оправдал иск директора лицея, констатировав что обвинения во взяточничестве не соответствовали действительности и являлись клеветническими. Судебная инстанция постановила что показания трех свидетелей, вызванных в суд газетой «*Flux*» не являлись достаточными для того, чтобы опровергнуть презумпцию невиновности директора лицея. Суд обязал газету опубликовать свои извинения в пятнадцатидневный срок и оплатить директору школы 1,350 молдавских леев (MDL) (что на тот момент, в эквивалентном соотношении, составляло около 88 Евро).

Как газета «*Flux*», так и директор лицея обжаловали постановление, вынесенное первой судебной инстанцией. Газета «*Flux*» оспаривала констатацию того факта, что обвинение во взяточничестве являлось клеветническим, утверждая, что в опубликованном ею материале в адрес директора школы не приносились прямые обвинения во взяточничестве, а просто обращалось внимание общественности на широко известный феномен взяточничества, существующий в школах. Директор же считал, что в указанной статье утверждение о взяточничестве не являлось единственным клеветническим заявлением в его адрес. 23 декабря 2003 года Кишиневская Апелляционная Палата отклонила оба обжалования. Судебная инстанция постановила что поданное газетой «*Flux*», обжалование являлось необоснованным. В отношении же директора лицея, Апелляционная Палата постановила что он являлся публичным лицом, и, следовательно, должен был бы свидетельствовать о большей терпимости по отношению к высказываемой в его адрес критике.

Газета «*Flux*» подала кассационную жалобу в Высшую Судебную Палату, утверждая, *помимо прочего*, что целью данной статьи являлось не обвинение директора во взяточничестве, а просто оглашение существующих в этом отношении слухов. Газета «*Flux*» подчеркивала что наличие таких слухов в обществе было подтверждено свидетельскими показаниями. Вынесение судебного наказания в отношении данной газеты на основании отсутствия судебного постановления по уголовному делу против директора лицея являлось непропорциональным и не было необходимым в демократичном обществе. Более того, газета просто распространила утверждения, сделанные третьими лицами. 31 марта 2004 года Высшая Судебная Палата отклонила данную кассационную жалобу.

Суд отмечает что указанная газета, в ходе гражданских процедур, пыталась представить вменяемые ей высказывания не в качестве прямых обвинений во взяточничестве в адрес директора лицея «*Spiru Haret*», а как попытку привлечь внимание общественности в отношении существующего в школах феномена взяточничества. Суд считает данный аргумент неубедительным и полагает что как в первой, так и во второй статье, опубликованные утверждения были достаточно ясно сформулированы, для того чтобы у читателей создалось впечатление, что директор лицея был виновным во взяточничестве - уголовно наказуемом преступлении.

Суд также отмечает что не смотря на серьезность выдвинутых в адрес директора лицея обвинений, содержащихся в анонимном письме, опубликованном 4 февраля 2003 года, журналист, написавший данную статью, не предпринял каких-либо попыток связаться с ним и узнать его мнение по данному вопросу. Также из самого текста статьи не вытекает то, что журналист провел какие-либо расследования по фактам, упоминающимся в указанном анонимном письме. Более того, когда директор лицея и редакционная коллегия школьной газеты потребовали

исполнения своего права на опубликование ответного возражения, то им в этом отказали, посчитав что таковое являлось оскорбительным. В том же что касается терминов, используемых в опубликованном в газете «*Jurnal de Chişinău*» ответном возражении, то Суд считает что данная лексика не является оскорбительной. Директор обвинил газету «*Flux*» в непрофессиональном поведении, однако таковая реакция являлась совершенно нормальной и пропорциональной по отношению к содержанию ранее опубликованной статьи.

В ответ на опубликованное директором лица ответное возражение, газета «*Flux*» впоследствии опубликовала статью, вышедшую в свет 14 февраля 2003 года. Указанная газета перед лицом Суда утверждала что целью данной статьи являлось обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес. Однако, учитывая повторение некоторых из обвинений выдвинутых в адрес директора лица, содержащихся в статье, опубликованной 4 февраля 2003 года и использованную лексику, Суд считает данную статью скорее одной из форм сведения счетов с лицами, поставившими под вопрос профессионализм указанной газеты. Действительно, тональность статьи свидетельствует о насмешливом отношении, а также в статье содержится намек на якобы существующую связь между директором лица и одной из преподавательниц, без наличия каких-либо на то доказательств, или же должного уважения репутации и авторитета которым должны обладать учителя школы в глазах своих учеников.

Суд также отмечает непрофессиональное поведение газеты «*Flux*» и относительно умеренный размер назначенной выплаты ущерба, вследствие рассмотрения выше указанного гражданского иска.

Учитывая все обстоятельства данного дела, Суд считает что решения, вынесенные внутренними судебными органами, являлись сбалансированными в отношении установления правильного соотношения между противоречивыми интересами заявителя в рамках национальных процедур и газеты «*Flux*».

Принимая во внимание вышесказанное, равно как и то, что газета «*Flux*» действовала с очевидным пренебрежением в отношении исполнения своих журналистских обязанностей, чем нанесла урон правам, гарантированным нормами Конвенции иным лицам, Суд считает что данное вмешательство в исполнение прав на свободу выражения своего мнения являлось оправданным.

Соответственно, предписания статьи 10 Европейской Конвенции о защите Прав и Основных Свобод Человека не были нарушены.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БОНЕЛЛО (BONELLO), ПОДДЕРЖАННОЕ СУДЬЯМИ ДЭВИД ТОР БЬОРГВИНССОН (DAVÍÐ THÓR BJÖRGVINSSON) И СИКУТА (ŠIKUTA)

Постановление национального суда, которое обязало газету-заявителя выплатить ущерб и опубликовать извинения, по-моему, является нарушением свободы выражения мнения, предусмотренной статьей 10 Конвенции. Я, без каких-либо колебаний, проголосовал в пользу решения в этом смысле.

В пунктах 5-14 описаны основные обстоятельства дела. Особую значимость представляют нижеследующие факты. Газета-заявитель, в двух опротестованных статьях, выдвинула ряд обвинений директору лица «Спиру Харет (Spiru Haret)». Некоторые обвинения носят не столь тяжкий характер, тогда как одно, касающееся взяточничества и коррупции, представляет повышенную социальную опасность.

Из четырех менее строгих утверждений, первые два, похоже, неопровержимы: классы лица переполнены и нет адекватных условий для учебы. Третье заявление, согласно которому директор потратил денежные средства лица на ремонт собственного кабинета, также соответствует действительности, равно как и то, что директор использовал государственные средства на ремонт других частей лица. В этой связи, я считаю

абсолютно уместным сделать вывод, что при нехватке средств для обеспечения всех потребностей лица, их использование для ремонта кабинета директора не должно было быть приоритетным. Несомненно, речь идет о субъективном, приемлемом, спорном или неприятном мнении, но, при этом, о мнении, защищенном статьей 10.

Четвертое заявление, согласно которому школьная газета публиковала исключительно статьи о «взаимоотношениях и сексе», по сути, не является дискредитирующим; обучение навыкам здоровых взаимоотношений, а также сексуальное образование, являются важными задачами любой уважающей себя образовательной системы. Независимо от того, является ли выраженная критика приемлемой либо спорной, таковая, в любом случае, остается субъективным мнением, приятным или неприятным, но защищенным.

Пятое обвинение, выдвинутое директору газетой – что он брал взятки в размере 200-500 долларов США за зачисление детей в лицей – из другого разряда и должно рассматриваться в соответствии с критериями, давно установленными прецедентным правом Суда, касающимся, в частности, свободы демократических обсуждений вопросов, связанных с общественными интересами. Я считаю, что должно быть проведено расследование распространенности либо отсутствия коррупции в государственной образовательной системе. Другой вопрос, если, для применения статьи 10 в целях защиты, достоверность заявлений, опубликованных в газете в рамках открытых дискуссий по вопросам, связанным с общественными интересами, должна быть доказана, либо достаточно, чтобы таковые основывались на адекватном проверяемом обосновании (доктрина «подтверждающей фактической основы»).

В рамках первоначального судопроизводства, газета нашла трех независимых свидетелей, которые подтвердили, что были вынуждены заплатить директору за прием детей в лицей. Национальный суд, который выслушал показания этих свидетелей, «не имеет оснований не верить свидетелям ЛВ, КГ и МН». Однако, этот же суд, все равно, решил отклонить их заслуживающие доверия доказательства, приведя, при этом, аргумент, который, я нахожу, как минимум, странным. Несмотря на то, что суд установил достоверность показаний трех свидетелей, было отмечено, что, «для того, чтобы открыто заявить, что кто-либо берет взятки, должен быть вынесен соответствующий приговор, подтверждающий виновность человека в принятии взятки. В отсутствие такого приговора, директор не может быть обвинен во взяточничестве». Хорошо. Теперь мы знаем, что великая обязанность «сторожевого пса» - свободной прессы – заключается в публикации копий приговоров.

Также, по мнению национального суда, если бы даже тысяча свидетелей, заслуживающих доверия, поклялись бы в том, что директор берет взятки, суд, все равно, признал бы газету виновной в клевете, ввиду того, что газета не соизволила представить вниманию своих читателей приговор суда, подтверждающий вину директора. Меня не столько беспокоит отсутствие приговора суда против директора, сколько тот факт, что, несмотря на такие серьезные обвинения, подтвержденные свидетелями, признанными как заслуживающими доверия, ему не было предъявлено официального обвинения. Учитывая, что никто даже не потрудился предъявить обвинение директору, газете придется ждать достаточно долго, примерно целую вечность, пока не будет вынесен приговор, подтверждающий либо опровергающий его вину. Современная демократия предусматривает уголовное преследование лиц, выдвигающих достоверные обвинения, а не лиц, против которых эти заслуживающие доверия обвинения были предъявлены. Также, было бы хорошо, чтобы общественный сторожевой пес не лаял, даже если он располагает надежными доказательствами. Перед тем, как прийти к этому заключению, я забыл, что свободная пресса должна хранить вечное молчание в ожидании приговора, который, возможно, никогда не будет вынесен.

Страсбургский суд отдалился – справедливо – от достаточно странной теории национального суда, но, несмотря на это, все равно, признал газету виновной в опубликовании обвинений в некорректности государственных властей, подтвержденных свидетелями, признанными национальными судами, как заслуживающими доверия.

Свобода выражения мнения пришла бы в упадок, если бы газеты наказывались, с одобрения Суда, за способствование публичным дискуссиям по вопросам, касающимся общественных интересов, путем публикации информации, по мнению национальных судов, заслуживающей доверия. Я считаю, что обязанности здоровых, жизнестойких средств массовой информации – кто-то назвал их «общественным сторожевым псом» после передозировки оптимизмом – должны превышать опубликование пресс-релизов, цензурированных государственными властями. В этом смысле, мне сказали, что я был введен в заблуждение.

В отличие от Суда, я не стал бы неоправданно поддерживать аргумент, касающийся «непрофессионального поведения» заявителя, а также, что журнализм должен основываться на ответственности, в соответствии с нормами профессиональной этики. Я, лично, не нахожу поведение газеты-заявителя отрицательным, но, для целей данного мнения, я готов согласиться с большинством и утверждать, что оно было негативным. К чему это ведет? Я бы тоже расположил надлежащее управление на одну ступень с надлежащим профессиональным поведением. Однако при неспособности следовать нормам профессионального поведения, я, все же, бы предпочел, чтобы надлежащее управление преобладало над профессионализмом средств массовой информации. По правде говоря, Суд придал большее значение профессиональному поведению, чем раскрытию случаев коррупции.

Факты показывают, что газета проверила постоянно поступающие слухи, нашла трех свидетелей, чья честность была несомненной. Свидетели подтвердили под присягой обвинения в коррупции, осознавая ответственность, которую они несут за лжесвидетельство и обман. Суд наказал газету не за публикацию недостоверной информации (в этом случае, я бы поспешил присоединиться к большинству), а за «непрофессиональное поведение», которое, в любом случае, было не особо влиятельным. Я поясню позже, каким образом это полностью искажает результаты упражнения по пропорциональности.

Так называемое «непрофессиональное поведение», наказанное Судом, похоже, заключается в том, что газета обнаружила своего первого – заслуживающего доверия – свидетеля до публикации статей, а второго и третьего свидетелей – также заслуживающих доверия – после публикации. Это решение придает больше значения распределению во времени, чем правде, календарю, чем раскрытию случаев коррупции.

Другая ошибка газеты, по мнению Суда, заключается в том, что она не спросила мнения директора. К чему это ведет? Предположим, что газета, страдающая приступом из ряда вон выходящего журналистского изящества, спросила бы директора перед публикацией: «а правда ли, что вы берете взятки?». Ответ был бы «да» или «нет», но нетрудно угадать, какой ответ был бы более вероятным. Если бы он (на удивление) опровергнул факт коррупции, следовало бы газете замолчать навсегда, либо, несмотря ни на что, опубликовать имеющуюся в наличии достоверную информацию? Национальный и Страсбургский суд отвечают на этот вопрос по-разному. Национальный суд считает, что газета не может публиковать материалы в отсутствие приговора суда, признающего вину директора. Мощная поддержка для демократических дискуссий и свободы выражения мнения.

К сожалению, Страсбургский суд превзошел все ожидания: газета спровоцировала конфликт тем, что не задала абсолютно предсказуемого вопроса, в любом случае, не имеющего особого влияния. Газеты (и их читатели) лишаются права свободного выражения мнения, если журналист не спрашивает мнения лица, считающегося, на основании достоверных доказательств, связанным с совершением преступления, независимо от того достаточно ли и него гражданских чувств, чтобы сознаться, либо оно предпочитает отрицать свою вину. Не задавайте глупых вопросов – и у вас проблемы в Страсбургском суде. На данном этапе, Суд больше не пользуется моей поддержкой.

Суд, также, считает газету виновной в отказе опубликовать ответ директора лица на статью. Несомненно, Суд смешал два абсолютно разных вопроса. Если бы газета безосновательно отказалась опубликовать ответ, то газета должна была быть - по праву – наказана за несоблюдение этических норм журналистики компетентным внутренним органом, ответственным за обеспечение соблюдения этических норм коммуникации. Однако, нарушение этических норм, следующее за публикацией клеветливой информации, не влечет за собой обвинение в клевете с обратной силой

– редактор может быть наказан за несоблюдение этических норм, но, ни в коем случае, за клевету. Суд не осознал, что речь идет об абсолютно разных вопросах, которые необходимо было рассматривать отдельно. Вместо этого, Суд подтвердил обвинение в клевете и все, что он определил, было отсутствие профессиональной корректности.

Чтобы проиллюстрировать уважение национальных судов к свободе выражения мнения, Суд, также, упомянул о «достаточно скромной сумме возмещения ущерба». Я не считаю, что государство-ответчик выиграло от достигнутого успеха.

Боюсь, что данным решением была отвергнута защита свободы выражения мнения. Журналистам было четко сказано, чего ожидать, в случае публикации материалов, неподходящих властям, независимо от того, насколько острыми являются общественные потребности и насколько обоснованной является фактическая основа, а также, в случае если их профессиональное поведение оставляет желать лучшего. Даже если тревожные факты подтверждены достаточными доказательствами, в рамках балансирующего упражнения, устанавливающего пропорциональность, несоблюдение норм профессионального поведения считается Страсбургским судом более серьезным, чем подавление демократических дискуссий о коррупции в государственных структурах. Другими словами, Суд считает, что общественная потребность в борьбе с непрофессиональным журнализмом более неотложна, чем борьба с коррупцией. «Охлаждающий эффект» санкций против свободы прессы, которых так сторонилось прецедентное право Суда, материализовался в еще одном новом решении Суда.

Салман Рашди (Salman Rushdie), жертва фатвы, отметил: что есть свобода выражения мнения? Без свободы оскорблять, она прекращает свое существование. Может свободе выражения мнения стоит прекратить свое существование, когда она начинает оскорблять? И это меня тоже особо бы не огорчило. Подтекст данного суждения заключается в том, что свобода выражения мнения, также, прекращает свое существование, когда оно наказывается за поощрение общественных дискуссий, основанных на обвинении государственных органов в преступности свидетелями, заслуживающими доверия, средствами, считающимися непрофессиональными. Когда следование надлежащей профессиональной практике преобладает над поиском правды, для свободы выражения мнения настает грустный день.

PARLAMENTUL
REPUBLICII MOLDOVA

ПАРЛАМЕНТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

ЗАКОН
о внесении изменений и дополнений
в некоторые законодательные акты

N 141-XVI от 26.06.2008

Мониторул Офичиал N 140-142/572 от 01.08.2008

* * *

Парламент принимает настоящий органический закон.

Ст.І. – В Закон о защите персональных данных № 17-XVI от 15 февраля 2007 года (Официальный монитор Республики Молдова, 2007 г., № 107-111, ст.468), внести следующие изменения и дополнения:

1. В статье 11:

в части (1):

после слов “Национальным центром по защите персональных данных” дополнить часть словами “(далее – Центр)”;

дополнить часть следующими предложениями: “Центр имеет печать и бланки со своим наименованием и изображением государственного герба Республики Молдова. На бланках указывается и адрес Центра.”;

часть (2) изложить в следующей редакции:

“Персонал Центра состоит из государственных служащих и работников, нанятых по контракту на конкурсной основе в соответствии с действующим законодательством. Структура Центра, предельная штатная численность, обязанности служащих и работников регламентируются Положением, утвержденным Парламентом.”;

в частях (3), (5) и (7) слова “Национальным центром по защите персональных данных” заменить словом “Центр” в соответствующем падеже;

в части (4) слова “Национальный центр по защите персональных данных” заменить словом “Центр”, а слово “центра” – словом “Центра”;

часть (6) изложить в следующей редакции:

Centrul Independent de Jurnalism

“(6) Центр ежегодно до 15 марта представляет Парламенту, Президенту Республики Молдова и Правительству отчет о деятельности за предыдущий календарный год. Годовой отчет Центра публикуется в Официальном мониторе Республики Молдова.”;

дополнить статью частями (8) и (9) следующего содержания:

“(8) При исполнении должностных обязанностей служащие Центра имеют свободный доступ в помещения и на территорию держателей персональных данных, а также к их документам, кроме документов, содержащих государственную тайну согласно законодательству.

(9) Должностные лица всех уровней представляют Центру истребованные материалы и документы, связанные с защитой персональных данных, в 15-дневный срок, если в запросе не предусмотрен иной срок.”.

2. Дополнить закон статьей 111 следующего содержания:

“Статья 111. Директор и заместитель директора Центра

(1) Руководство Центра осуществляет директор, который назначается на должность Парламентом большинством голосов избранных депутатов по предложению по обстоятельствам Председателя Парламента, парламентской фракции или не менее чем 15 депутатов на срок пять лет. Одно и то же лицо не может занимать должность директора более двух сроков подряд.

(2) Директор Центра осуществляет общее руководство Центром, координирует деятельность служащих, назначает на должность и освобождает от должности персонал Центра, устанавливает должностные обязанности работников, организует подготовку годовых отчетов Центра и представляет их на пленарных заседаниях Парламента, представляет учреждение в стране и за рубежом.

(3) При осуществлении своих полномочий директору Центра оказывает помощь заместитель директора, назначаемый Парламентом по предложению директора Центра на срок пять лет. В отсутствие директора Центра его обязанности временно исполняет его заместитель.

(4) Директором или заместителем директора Центра может быть назначено любое лицо, имеющее гражданство Республики Молдова, высшее юридическое образование, профессиональный опыт не менее пяти лет в области защиты прав и свобод человека.

(5) По уровню государственной ответственности и заработной платы должности директора и заместителя директора Центра приравниваются к руководящим должностям центральных органов публичной власти.

(6) На период исполнения своих полномочий директор и заместитель директора Центра не вправе быть членами какой-либо партии или общественно-политической организации, осуществлять другую публичную или частную деятельность, за исключением преподавательской либо научной, владеть, прямо или косвенно, ценными бумагами коммерческих обществ или предприятий, деятельность которых относится к компетенции Центра.

(7) Директор и заместитель директора Центра продолжают осуществлять свои должностные обязанности до вступления в должность их преемников, за исключением случаев досрочного прекращения полномочий.

(8) Полномочия директора и заместителя директора Центра досрочно прекращаются в случае:

a) отставки;

b) несовместимости с другими публичными или частными должностями;

c) отзыва с должности;

d) невозможности осуществления полномочий в течение более 90 дней по причине состояния здоровья, установленного соответствующим медицинским заключением;

e) смерти.

Centrul Independent de Jurnalism

(9) Предложение об отзыве с должности директора Центра может быть внесено по обстоятельствам Председателем Парламента, парламентской фракцией или не менее чем 15 депутатами в случае:

- a) грубого нарушения должностных обязанностей, предусмотренных законодательством;
- b) вынесения окончательного обвинительного приговора.

(10) Предложение об отзыве с должности заместителя директора Центра может быть внесено директором Центра, парламентской фракцией или не менее чем 15 депутатами в случае:

- a) грубого нарушения должностных обязанностей, предусмотренных законодательством;
- b) вынесения окончательного обвинительного приговора.”

3. В статье 12:

в части (1) слова “Национальный центр по защите персональных данных” заменить словом “Центр”;

в части (3) слова “Национальном центре по защите персональных данных” заменить словом “Центре”.

4. В части (3) статьи 14 слова “Национальным центром по защите персональных данных” заменить словами “Центром”.

5. В статье 16:

в части (4) слова “Национальным центром по защите персональных данных” заменить словом “Центром”;

в части (5) слова “Национальный центр по защите персональных данных” заменить словом “Центр”.

Ст. II. – В Закон о системе оплаты труда в бюджетной сфере № 355-XVI от 23 декабря 2005 года (Официальный монитор Республики Молдова, 2006 г., № 35-38, ст.148), с последующими изменениями, внести следующие дополнения:

1. Приложение 3 после раздела “Центр по правам человека” дополнить новым разделом следующего содержания:

“Национальный центр по защите персональных данных

Директор 5000

Заместитель директора 4500”

2. Приложение 4 после раздела “Центр по правам человека” дополнить разделом следующего содержания:

“Национальный центр по защите персональных данных

Начальник управления 1500–2250

Начальник отдела 1400–2100

Главный консультант 1200–1800

Старший консультант 1100–1650”

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАРЛАМЕНТА Мария ПОСТОЙКО

Кишинэу, 26 июня 2008 г.
№ 141-XVI.

PARLAMENTUL
REPUBLICII MOLDOVA

ПАРЛАМЕНТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об отчете о деятельности Координационного
совета по телевидению и радио за 2007 год

N 159-XVI от 04.07.2008

Мониторул Офичиал N 122-124/481 от 11.07.2008

* * *

Парламент принимает настоящее постановление.

Ст.1. – Принять к сведению отчет о деятельности Координационного совета по телевидению и радио за 2007 год.

Ст.2. – Координационному совету по телевидению и радио проанализировать предложения рабочих органов Парламента и депутатов и в двухмесячный срок разработать план мероприятий по усовершенствованию как своей деятельности, так и деятельности всех телерадиоорганизаций страны.

Ст.3. – Контроль за исполнением настоящего постановления возложить на Комиссию Парламента по культуре, науке, образованию, молодежи, спорту и средствам массовой информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАРЛАМЕНТА Мариан ЛУПУ

Кишинэу, 4 июля 2008 г.
№ 159-XVI.

PARLAMENTUL
REPUBLICII MOLDOVA

ПАРЛАМЕНТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

З А К О Н

об утверждении Положения о Национальном центре по защите персональных данных, структуры, предельной штатной численности и порядка финансирования Национального центра по защите персональных данных

N 182-XVI от 10.07.2008

Мониторул Офичиал N 140-142/578 от 01.08.2008

* * *

В соответствии с Законом о защите персональных данных № 17-XVI от 15 февраля 2007 года Парламент принимает настоящий ординарный закон.

Ст.1. – Утвердить:

- a) Положение о Национальном центре по защите персональных данных согласно приложению 1;
- b) структуру Национального центра по защите персональных данных согласно приложению 2;
- c) предельную штатную численность Национального центра по защите персональных данных в количестве 21 единицы.

Ст.2. – Финансирование Национального центра по защите персональных данных осуществляется из средств государственного бюджета.

Ст.3. – Правительству с 1 января 2009 года:

- a) открыть финансирование Национального центра по защите персональных данных;
- b) обеспечить Национальный центр по защите персональных данных помещениями;
- c) обеспечить передачу Национальному центру по защите персональных данных всех материалов, касающихся защиты персональных данных.

Ст.4. – Настоящий закон вступает в силу со дня принятия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАРЛАМЕНТА   Мария ПОСТОЙКО

Кишинэу, 10 июля 2008 г.
№ 182-XVI.

Приложение 1

ПОЛОЖЕНИЕ
о Национальном центре по защите персональных данных

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Национальный центр по защите персональных данных (далее – Центр) является самостоятельным органом публичной власти, независимым от других органов публичной власти, физических и юридических лиц, осуществляющим полномочия, предоставленные ему Законом о защите персональных данных № 17-XVI от 15 февраля 2007 года.
2. Центр призван защищать права и основные свободы физических лиц, в частности право на частную жизнь, в связи с обработкой и трансграничной передачей персональных данных.
3. В своей деятельности Центр руководствуется Конституцией Республики Молдова, Конвенцией о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных, Дополнительным протоколом к Конвенции, другими международными соглашениями, одной из сторон которых является Республика Молдова, Законом о защите персональных данных, настоящим Положением, а также другими нормативными актами.
4. Постоянным местом нахождения Центра является муниципий Кишинэу.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЦЕНТРА

1. Центр возглавляет директор, назначаемый на должность в соответствии с Законом о защите персональных данных.
2. Директор Центра во исполнение должностных обязанностей издает приказы и распоряжения.
3. В обязанности директора Центра входит:
  - a) организация и координация деятельности Центра;
  - b) контроль за применением законодательства об обработке персональных данных;
  - c) обеспечение информирования держателей и субъектов персональных данных о их правах и обязанностях при обработке персональных данных;

Centrul Independent de Jurnalism

- d) подписание предупреждений и предписаний, решений о приостановлении, прекращении обработки, частичном или полном уничтожении персональных данных, обработанных с нарушением требований законодательства;
  - e) обращение в суд с исковыми заявлениями в защиту прав субъектов персональных данных и представление их интересов в судебных инстанциях;
  - f) подписание финансовых, банковских документов, отчетов Центра и несение личной ответственности за его финансово-хозяйственную деятельность;
  - g) утверждение правил внутреннего распорядка Центра;
  - h) прием на работу и увольнение служащих и работников Центра;
  - i) утверждение должностных обязанностей служащих и работников Центра;
  - j) установление, в соответствии с положениями действующего законодательства, должностных окладов служащим и работникам Центра, решение вопросов установления им надбавок и премирования;
  - k) предоставление отпусков служащим и работникам Центра;
  - l) назначение дисциплинарных взысканий служащим и работникам Центра;
  - m) решение вопросов повышения квалификации служащих Центра, направления их на стажировку и в командировки;
  - n) обеспечение сотрудничества с органами центрального и местного публичного управления, со средствами массовой информации, общественными объединениями, а также с аналогичными зарубежными организациями.
4. Директор Центра представляет отчет о деятельности Центра за истекший календарный год на пленарном заседании Парламента.
5. Директору Центра в его деятельности оказывает помощь заместитель директора, назначаемый на должность в соответствии с Законом о защите персональных данных.
6. В обязанности заместителя директора Центра входит:
- a) исполнение обязанностей директора в его временное отсутствие;
  - b) координация деятельности подразделений Центра, по распоряжению директора;
  - c) дача заключений на документы, составленные подразделениями, деятельность которых он координирует;
  - d) координация работы по подготовке годового отчета о деятельности Центра, разработке проекта годового бюджета Центра, инструкций нормативного характера, а также других работ, по распоряжению директора Центра;
  - e) исполнение иных обязанностей, установленных директором Центра.
7. Персонал Центра состоит из государственных служащих и работников, принятых на работу по контракту на конкурсной основе в соответствии с законом.
8. Персонал Центра получает служебные удостоверения утвержденного директором образца.
9. Персонал Центра при исполнении своих функций обязан:
- a) исполнять свои служебные обязанности в строгом соответствии с действующим законодательством;
  - b) профессионально и оперативно исполнять свои должностные обязанности;
  - c) строго соблюдать нормы профессиональной этики и правила внутреннего распорядка Центра;
  - d) постоянно совершенствовать свою профессиональную подготовку.
10. При исполнении служебных обязанностей служащие Центра не имеют права:

Centrul Independent de Jurnalism

- a) осуществлять любую другую оплачиваемую деятельность, кроме научной, преподавательской и творческой;
- b) получать или давать денежные вознаграждения или другие выгоды, не полагающиеся им и противоречащие законным интересам общества и государства;
- c) использовать свои служебные полномочия в рекламных целях.

III. ФУНКЦИИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЦЕНТРА

1. Центр включает структурные подразделения, возглавляемые начальниками, которые назначаются на должность директором Центра.
2. В зависимости от области компетенции подразделения Центра выполняют следующие функции:
  - a) Управление учета и контроля держателей персональных данных:
    - осуществляет учет обрабатываемых персональных данных и их держателей, ведет созданные Центром регистры, разрабатывает технические нормативы обработки персональных данных;
    - проводит предварительные проверки и расследования, применяет при необходимости санкции, осуществляет мониторинг исполнения держателями персональных данных законных предписаний Центра;
    - выдает разрешения на обработку и трансграничную передачу персональных данных в предусмотренных законом случаях;
    - выполняет иные функции, установленные директором Центра;
  - b) Управление внешних связей и европейской интеграции:
    - организует деятельность по поддержанию внешних связей Центра, реализации плана мероприятий по европейской интеграции Республики Молдова в области защиты персональных данных;
    - изучает и анализирует международное законодательство и мировую практику в области обработки и защиты персональных данных;
    - выполняет иные функции, установленные директором Центра;
  - c) Управление по вопросам права и связям с общественностью:
    - представляет интересы Центра, физических и юридических лиц, ущемленных в правах, в судебных инстанциях;
    - разрабатывает проекты нормативных актов по обработке персональных данных и дает по ним заключения, готовит проекты приказов и распоряжений директора Центра;
    - управляет деятельностью по связям с общественностью и рассмотрению адресованных Центру обращений;
    - выполняет иные функции, установленные директором Центра;
  - d) Управление экономики, финансирования и планирования:
    - управляет имуществом, координирует бухгалтерскую деятельность и разработку проекта годового бюджета Центра;
    - ведет учет и осуществляет управление в сфере трудовых отношений в Центре;
    - выполняет иные функции, установленные директором Центра.

IV. КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

1. В целях предоставления консультаций и оказания помощи Центру при нем создается на общественных началах Консультативный совет.
2. Председателем Консультативного совета является директор Центра.

3. В состав Консультативного совета в обязательном порядке входят: председатель Комиссии Парламента по национальной безопасности, обороне и общественному порядку, председатель Комиссии Парламента по правам человека, представители Аппарата Парламента, Аппарата Президента Республики Молдова и Аппарата Правительства, органов центрального и местного публичного управления, общественных объединений, осуществляющих деятельность в области защиты прав человека в связи с обработкой персональных данных.
4. Персональный состав и Положение об организации и функционировании Консультативного совета утверждаются директором Центра.
5. Члены Консультативного совета обязаны не разглашать конфиденциальную информацию и персональные данные, ставшие им известными в процессе осуществляемой деятельности.

Приложение 2

СТРУКТУРА

Национального центра по защите персональных данных

Директор

Заместитель директора

Управление учета и контроля держателей персональных данных

Управление внешних связей и европейской интеграции

Управление по вопросам права и связям с общественностью

Управление экономики, финансирования и планирования

CONSILIUL COORDONATOR
AL AUDIOVIZUALULUI DIN
REPUBLICA MOLDOVA

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РЕШЕНИЕ

о выдаче авторизации на ретрансляцию ООО „INTERMEDIA”

N 63 от 25.06.2008

Мониторул Официал N 122-124/362 от 11.07.2008

* * *

Centrul Independent de Jurnalism

Решением КСТР № 48 от 27.05.08 г. заявление телевизионного агентства ООО „INTERMEDIA” о выдаче авторизации на спутниковую ретрансляцию программ канала "Рен ТВ" из Российской Федерации было отвергнуто, потому что: а) ретрансляция программ канала "Рен ТВ" из Российской Федерации в соответствии с договором № А-05/08-МС от 29.11.2007 г. производится интегрально; б) на территории Республики Молдова запрещена ретрансляция многих программ канала "Рен ТВ", в том числе: "Очевидец" - 90 мин., в понедельник; "Час суда" - 45 мин., с понедельника до пятницы (225 мин., еженедельно); "Очевидец смешное" - 45 мин., в субботу; "Очевидец страшное" - 45 мин., воскресенье; "Вечер с Тиграном Кеосаяном" - 15 мин., с понедельника до четверга (60 мин., еженедельно); "Рекламный облом" - 30 мин., в субботу; "Сеанс для взрослых" - 120 мин., в субботу-воскресенье (240 мин., еженедельно); в) ООО „INTERMEDIA”, обязываясь ретранслировать интегрально "Рен ТВ" на территории Республики Молдова, создает разрыв между программами - около 12 часов; г) как дистрибьютор услуг ООО „INTERMEDIA” не имеет права на производство и распространение программ, с которыми могло бы покрывать данный разрыв.

19.06.2008 г. телевизионное агентство ООО „INTERMEDIA” заявило, что не согласно с Решением КСТР № 48 от 27.05.08 г. и просит пересмотреть заявление о выдаче авторизации для ретрансляции канала "Рен ТВ" через спутник и радиореле".

В результате рассмотрения поданного заявления и в соответствии со ст.28 (2), (6) а) и с) Кодекса телевидения и радио № 260-XVI от 27.07.2006 г. и ст.30-35 "Регламента о процедуре и условиях выдачи лицензий на вещание и разрешений на ретрансляцию" Координационный совет по телевидению и радио

РЕШАЕТ:

Ст.1. Повторное заявление ООО „INTERMEDIA” из мун.Кишинэу (директор Рябов В.) о выдаче авторизации на спутниковую ретрансляцию программ канала "Рен ТВ" из Российской Федерации ОТКЛОНИТЬ (голосовали: 1 - за, 6 - против).

Мотив: ООО „INTERMEDIA” из мун.Кишинэу (директор Рябов В.):

- а) не придерживалось предложений членов КСТР, высказанных на публичном заседании от 27.05.2008 г.
- б) не представило структуру оферты ретранслируемых программных комплексов;
- в) не составило концепцию программного комплекса, предлагаемого для ретрансляции;
- г) не представило соглашение с дистрибьютором канала "Рен ТВ" из Российской Федерации для интегральной ретрансляции.

Ст.2. ООО „INTERMEDIA” рекомендовать в резонный срок и в соответствии с законом дополнить пакет соответствующих документов. Заявление о выдаче авторизации на ретрансляцию через спутник будет рассмотрено на одном из заседаний КСТР.

Ст.3. Контроль за исполнением настоящего решения осуществлять управлению экспертизы и лицензирования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО
СОВЕТА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО   Георг Горинчой

Секретарь   Константин Быркэ

Кишинэу, 25 июня 2008 г.

№ 63.

CONSILIUL COORDONATOR
AL AUDIOVIZUALULUI DIN
REPUBLICA MOLDOVA

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Р Е Ш Е Н И Е

об отзыве лицензии на вещание ООО „Elecservice-Prim” из мун.Бэлць
для студии кабельного ТВ „ESP” из той же местности

N 68 от 25.06.2008

Мониторул Официал N 122-124/363 от 11.07.2008

* * *

Решением КСТР № 25 от 12.04.2005 г. ООО „Elecservice-Prim” из мун.Бэлць получило лицензию на вещание серии А ММП № 013437 для ретрансляции ТВ каналов в мун.Бэлць. Недавно указанное предприятие запросило отзыв лицензии на вещание, мотивируя его продажей кабельной сети.

На основе вышеизложенных фактов и в соответствии со ст.27 (1), лит.h) Кодекса телевидения и радио № 260-XVI от 27.07.2006 года, ст.27, 38 (1), лит.d) Регламента о процедуре и условиях выдачи лицензий на вещание и разрешений на ретрансляцию Координационный совет по телевидению и радио

РЕШАЕТ:

Ст.1. Отозвать лицензию на вещание серии А ММП № 013437 от 12.04.2005 г., выданную ООО „Elecservice-Prim” из мун.Бэлць для студии кабельного ТВ „ESP” из той же местности.

Ст.2. Документы студии кабельного ТВ „ESP” передать в архив.

Ст.3. Данные изменения внести в регистр по лицензированию.

Ст.4. Контроль за исполнением данного решения осуществлять управлению экспертизы и лицензирования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО
СОВЕТА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО

George ГОРИНЧОЙ

Секретарь Константин Быркэ

Кишинэу, 25 июня 2008 г.
№ 68.

CONSILIUL COORDONATOR
AL AUDIOVIZUALULUI DIN
REPUBLICA MOLDOVA

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Р Е Ш Е Н И Е

о программном комплексе российского телевизионного канала "Боец"

N 69 от 25.06.2008

Мониторул Офичиал N 122-124/364 от 11.07.2008

* * *

Патронажная ассоциация телерадиовещателей Республики Молдова обратилась с предложением отменить Решение № 27 от 22 февраля 2007 г., которым КСТР запретил ретрансляцию программ телевизионного канала "Боец" на территории Республики Молдова.

В ходе открытого заседания Координационного совета было предложено ретрансляцию программного комплекса канала "Боец" производить распространителями программ только во временном отрезке 22:00-07:00 при соблюдении следующих условий:

- а) приемник абонента должен быть оборудован системой запрета доступа, называемой в дальнейшем системой родительского контроля, отличающейся от системы контроля доступа к пакетам предлагаемых услуг;
- б) система родительского контроля должна открывать доступ к программным комплексам, не рекомендуемым для просмотра детьми, персональным кодом, составленным из не менее четырех цифр, которые не должны просматриваться на экране в момент набора;

- с) система родительского контроля должна быть синхронизирована с программами данной категории, оставаться активной на всем протяжении ретрансляции, а доступ должен быть реблокирован в ситуациях изменения контекста просмотра (изменение программы, переход системы просмотра в режим stand-up, замена декодера или карточки доступа, перерыв электроснабжения);
- д) в инструкции по применению распространитель программ должен изложить в ясной и доступной форме способ действия системы родительского контроля, необходимость установления персонального кода доступа и обеспечения его конфиденциальности;
- е) в момент введения системы в действие распространитель программ обязан установить совместно с абонентом персональный код доступа. Рекомендуется избегать кода "1234" и его производных.

Некоторые члены КСТР сочли, что отмена вышеназванного решения преждевременна из следующих соображений: программы российского телевизионного канала "Боец" содержат сцены излишнего насилия и натурализма, которые могут неблагоприятно влиять на несовершеннолетних, их психику и могут быть повторены ими в момент нахождения вне контроля взрослых; ретрансляция программ телевизионного канала "Боец" противоречит требованиям ст.6 (2) Кодекса телевидения и радио ("Запрещается распространение программ, могущих нанести значительный вред физическому, умственному или нравственному развитию несовершеннолетних, в частности содержащих порнографию, чрезмерное насилие и ненормативную лексику") и ст.7 (2) Европейской конвенции о трансграничном телевидении; предложения патронажной ассоциации телерадиовещателей Республики Молдова не могут быть реализованы из-за отсутствия технологических, финансовых и других возможностей, а также возможности обеспечения контроля.

На основании вышеизложенного, в соответствии с положениями Кодекса телевидения и радио № 260-XVI от 27.07.2006 г. Координационный совет по телевидению и радио

РЕШАЕТ:

Ст.1. Отмена Решения КСТР № 27 от 22 февраля 2007 г. "О программах, вещаемых российским телевизионным каналом "Боец" не набрала необходимого количества голосов (3 – за, 4 – против).

Ст.2. Настоящее решение публикуется в Официальном мониторе Республики Молдова и на web-странице КСТР.

Ст.3. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на управление мониторинга, управление экспертизы и лицензирования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО
СОВЕТА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО

Георге ГОРИНЧОЙ

Секретарь Константин Быркэ

Кишинэу, 25 июня 2008 г.

№ 69.

CONSILIUL COORDONATOR
AL AUDIOVIZUALULUI DIN
REPUBLICA MOLDOVA

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РЕШЕНИЕ

об утверждении изменений в Решение "О договорных
арендных отношениях между распространителями
программ" № 14 от 12.02.2008 г.

N 70 от 25.06.2008

Мониторул Официал N 122-124/365 от 11.07.2008

* * *

На основании ст.40 Кодекса телевидения и радио № 260-XVI от 27.07.2006 г. (Официальный монитор Республики Молдова № 131 от 18.08.2006 г.) Координационный совет по телевидению и радио РЕШАЕТ:

Ст.1. Решение № 14 от 12.02.2008 г. Координационного совета по телевидению и радио (Официальный монитор Республики Молдова № 69-71 от 04.04.2008 г.) изменить следующим образом:

В констатирующей части слова "Закона об аренде № 861-XII от 14.01.92 г." заменить словами "Гражданского кодекса № 1107-XV от 06.06.2002 г."

Ст.2. Настоящее решение опубликовать в Официальном мониторе Республики Молдова и на web-странице Координационного совета по телевидению и радио.

Ст.3. Контроль за исполнением настоящего решения возложить на секретаря Координационного совета по телевидению и радио.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО
СОВЕТА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО

Георге ГОРИНЧОЙ

Секретарь Константин Быркэ
Кишинэу, 25 июня 2008 г.
№ 70.